

ГЭВИН СТРОНГ

КОГДА ПОРОК РВЁТСЯ К ВЛАСТИ

Когда порок рвётся к власти

Гэвин Стронг

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Цена минутной слабости

Глава 2. Стыд под кожей

Глава 3. Редакционное задание

Глава 4. Аббревиатура зла

Глава 5. Разговор на кухне: признание Татьяне

Глава 6. Маска благодетеля

Глава 7. Время правды

Глава 8. Ложь в эфире: СМИ как инструмент травли

Глава 9. Анатомия расчеловечивания: как слово сектоведа стало скальпелем палача

Глава 10. Разбитые семьи: цена экспертного мнения

Глава 11. Депрограммисты: пыточные под видом спасения

Глава 12. Очная ставка

Глава 13. Свет в конце тоннеля: время говорить

Пролог

Вечер в нашем доме всегда имел свой особый запах — смесь свежесваренного чая с чабрецом, поджаренного хлеба и едва уловимого аромата детского мыла. Это был мой личный купол, моя крепость, выстроенная годами упорного труда и любви. В большой комнате царил привычный хаос: младший сын, Костя, сосредоточенно возводил из конструктора нечто, отдаленно напоминающее космодром, а старший, Иван, листал энциклопедию, время от времени задавая Тане вопросы о строении черных дыр. Моя жена сидела в кресле, поджав ноги, и делала пометки в своих рабочих чертежах. В этот момент мир казался не просто правильным — он казался незыблемым.

Я зашел на кухню, чтобы наполнить чайник, и краем глаза взглянул на телевизор, висевший на стене. Он работал в режиме фона, транслируя какой-то вечерний информационный канал. Диктор с идеально уложенными волосами бодро анонсировал блок новостей о защите традиционных ценностей и духовной безопасности нации. Я нажал на кнопку чайника, ожидая привычного щелчка, но вместо этого услышал голос.

Этот голос.

Он не изменился за двадцать лет. Тот же вкрадчивый елейный баритон с легким придыханием, который когда-то казался мне, молодому студенту МГУ, признаком высшей интеллигентности и глубокой мудрости. Голос человека, который знает ответы на все вопросы бытия. Голос, который мог убаюкать совесть и парализовать волю.

Я замер. Чайник зашумел, заглушая звуки из комнаты, но голос из телевизора пробивался сквозь этот шум, как ледяная игла сквозь вату. Я медленно повернулся к экрану.

В нижней части кадра появилась титровая плашка: Михаил Александрович Н., профессор, доктор философских наук, эксперт РАЦИРС. С экрана на меня смотрел человек, чье лицо я пытался стереть из памяти в течение двух десятилетий. Он выглядел почти святым: аккуратная седая бородка, дорогие, но неброские очки в тонкой оправе, мягкий шерстяной джемпер под пиджаком. Он

сложил руки домиком и слегка наклонил голову, глядя в камеру с выражением бесконечной скорби за судьбы подрастающего поколения.

В этот момент реальность вокруг меня начала рассыпаться. Теплый свет ламп стал мертвенно-белым, а уютная кухня — холодной камерой. Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала ледяная судорога. Мои руки, все еще державшие рукоятку чайника, начали мелко дрожать. К горлу подкатил тяжелый горький ком тошноты. Вспышка. Коридоры старого корпуса МГУ. Предложение обсудить курсовую на его квартире. Щелчок замка двери. Его рука на моем плече — свинцовая, влажная. Его слова о том, что истинное познание требует выхода за рамки мещанской морали. И тот холод, который сковал меня тогда, в восемнадцать лет, вернулся сейчас, когда мне было почти сорок.

— Сергей, ты чего? — голос Татьяны донесся до меня как будто из-под воды.

Я не мог ответить. Профессор Н. с экрана рассуждал о деструктивном влиянии западных культов на неокрепшие души молодежи. Он говорил о чистоте, о спасении семьи, о защите детей от хищников, скрывающихся под масками благодетелей. Каждое его слово было наполнено такой фальшивой добродетелью, что воздух в комнате, казалось, стал тяжелым и липким, как кисель.

Это было высшее проявление социального каннибализма: человек, который сам был воплощением самого темного и гнусного греха, теперь выступал в роли верховного инквизитора и защитника общественной морали. Он нашел себе идеальное прикрытие: РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Организация, которая годами выстраивала имидж борца за духовную чистоту, на самом деле становилась идеальным убежищем для тех, кто хотел получить неограниченную власть над людьми и их жизнями под предлогом их спасения.

Я смотрел на него и видел не эксперта, не профессора, а монстра, который сменил старую поношенную шкуру на ослепительно белые одежды идеолога. Идеология антикультизма, которую они продвигали, была идеальным инструментом. Она позволяла делить людей на правильных и неправильных, на спасенных и заблудших. Она давала право вторгаться в частную жизнь,

разрушать судьбы и при этом оставаться в лучах славы и государственного одобрения.

Но самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, как он улыбался. Эта едва заметная специфическая улыбка уголками губ, предназначенная не для телезрителей, а для тех, кто знал правду. Это была улыбка триумфатора: он победил. Он не просто избежал наказания, он возглавил процесс наказания других. Он взобрался на вершину социальной лестницы, используя те же методы, которые оттачивал в темных углах университетских кабинетов — манипуляцию, страх и знание того, что жертва никогда не заговорит.

Стыд. Это то, на чем они строят свою империю. Они знают, что нормальному человеку легче сгореть заживо, чем признаться в том, что с ним сотворили. Они знают, что общество скорее осудит того, кто заговорил, чем того, на кого указали. Стыд парализует. Он заставляет жертв прятаться в тени, менять имена, забывать свое прошлое, в то время как хищники, лишённые этого чувства, процветают на свету.

— Сергей, тебе плохо? — Таня уже стояла рядом, ее рука легла на мое плечо, и я вздрогнул, едва не выронив чайник.

Я медленно поставил его на подставку и выключил телевизор. Экран погас, но образ Профессора Н. остался выжженным на моей сетчатке. В комнате повисла тишина, прерываемая только сопением Кости, который продолжал свою стройку на полу.

— Все нормально, Таня. Просто голова закружилась, — выдавил я из себя, пытаясь придать голосу ровность. Но голос меня предал — он был хриплым и чужим.

Я посмотрел на своих сыновей. Ваня, мой первенец, так похожий на меня в том возрасте, когда я собирался впервые переступить порог университета. Костя, маленький и незащитный, верящий, что мир — это безопасное место, где папа всегда защитит от любой беды... И в этот момент холод в моей груди сменился гневом. Таким гневом, которого я не ощущал никогда прежде. Они рвутся к власти. Нет, они уже там! Они сидят в высоких кабинетах, консультируют правоохранительные органы, пишут законы и учебники. Они создали систему, в

которой их пороки объявлены добродетелью, а любые попытки вывести их на чистую воду клеймятся как работа на враждебные силы или те самые секты, с которыми они якобы борются.

РАЦИРС — это не просто аббревиатура. Это структура, которая позволяет им легализовать свою ненависть и свои властные аппетиты. Под лозунгами борьбы с деструктивными культами они сами создали самый мощный и опасный культ — культ собственной непогрешимости и вседозволенности. И во главе этого культа стоят люди с мертвыми глазами — такие, как профессор Н.

Я понял, что больше не могу молчать. Мое молчание все эти годы было кирпичиком в стене их безопасности. Каждый раз, когда я переключал канал, когда я старался не думать о том, что произошло, когда я убеждал себя, что это в прошлом — я помогал им, был их невольным соучастником. И пока они вещают с экранов, пока они учат нас, как воспитывать наших детей, ни один ребенок в этой стране не может быть в безопасности.

Я подошел к окну. За стеклом расстился вечерний город, залитый огнями. Где-то там, в одной из этих высоток, в уютной студии или в кабинете, заставленном иконами и грамотами, сидит он. Возможно, он сейчас пьет дорогой коньяк, празднуя очередной успех, или просматривает списки новых студентов, выбирая себе следующую цель. Он чувствует себя неуязвимым. Он верит, что прошлое похоронено так глубоко, что ни одна лопата не докопается до его гнилого фундамента.

Но он ошибается.

Я помню каждое слово, каждое прикосновение, каждую деталь тех лет. Помню других ребят, которые выходили из его кабинета с таким же остекленевшим взглядом, какой был у меня после посещения его квартиры. Где они сейчас? Сломались? Смирились? Или, как и я, пытаются построить свою жизнь на пепелище, делая вид, что ничего не было?

Я найду их. Найду каждого, кто прошел через его руки и руки ему подобных, прячущихся за ширмами общественных организаций и экспертных советов. Я соберу все в книгу. Это будет не просто книга воспоминаний — это будет расследование. Я выверну наизнанку их систему прикрытия и покажу, как

идеология антикультизма стала идеальной питательной средой для педофилов и садистов, ищущих власти над слабыми.

Я докопаюсь до правды. Не ради мести — месть слишком мелкое чувство для того ужаса, который они сеют. Ради Вани, ради Кости. Ради тысяч детей, которые сегодня ложатся спать, не подозревая, что люди, призванные их защищать, на самом деле являются их самой большой опасностью.

Я сел за стол и открыл ноутбук. Чистый лист текстового редактора слепил своей белизной. Это была точка невозврата. Я знал, что как только напишу первые слова, моя спокойная жизнь закончится, начнется война с системой, которая не прощает разоблачения своих секретов. Они будут лгать, будут угрожать, будут называть меня безумцем, агентом влияния, кем угодно.

Но я видел его глаза на экране, видел ту самую улыбку. И я понял, что единственный способ победить свой страх — это посмотреть ему в глаза и переступить через него.

Я положил пальцы на клавиши. «Когда порок рвется к власти»... Это слишком мягкое название. Они уже там: управляют механизмами общественного мнения, используют наши страхи, чтобы кормить своих демонов. Теперь им нужна абсолютная власть. Однако пришло время сорвать с них их белоснежные одежды.

Я писал быстро, почти не выбирая слов, позволяя правде течь из меня. Боль была невыносимой, но вместе с ней приходило странное, почти забытое чувство свободы. Я посмотрел на детей, на Таню и понял, что не могу себе позволить оставаться жертвой — тем испуганным растерянным студентом, который стремится спрятаться в своем отчаянии от всего мира. Нет, теперь у меня есть ответственность перед теми, кто верит мне и в меня, и эта ответственность не оставляет мне шансов сойти с выбранного пути. В этот вечер дом перестал быть для меня просто нашим жилищем — он стал штабом. И я клянусь, что этот штаб не прекратит свою работу, пока последний из них не окажется там, где ему самое место — в суде, под светом не студийных софитов, а безжалостных ламп правосудия.

Я посмотрел на экран ноутбука — первые абзацы были готовы. Это был пролог к истории, которую страна предпочла бы не знать, но которую ей

придется выслушать до конца. Потому что монстры сильны только до тех пор, пока мы боимся называть их по именам. Сегодня я назвал первое имя, но не останавлиюсь до тех пор, пока мир не узнает всю правду о каждом из них.

Таня смотрела на меня с тревогой. Она знала, что у меня есть тайны, связанные с периодом учебы, но никогда не давила, ждала, когда я сам буду готов. Подойдя сзади, она мягко положила руки мне на плечи. Она не видела текста, но чувствовала мою решимость. И в этой решимости, в этом единстве я нашел силу, которую у меня пытались отобрать двадцать лет назад.

Глава 1. Цена минутной слабости

Моховая улица в сентябре пахнет надеждой, старыми книгами и дорогим парфюмом столичной элиты. Когда я впервые переступил порог желтого здания журфака МГУ, мне казалось, что я попал в святилище. В восемнадцать лет мир видится через призму великих свершений. Я, парень из пыльного провинциального городка, видевший Москву только в новостных сюжетах, теперь стоял под этими сводами среди лепнины и портретов классиков. Я верил, что здесь куется истина, что люди, чьи имена украшают обложки учебников, — это титаны духа, неприкасаемые хранители морали и знаний. Как же завораживающе выглядит эта иллюзия, пока она не начинает растворяться прямо у тебя на глазах.

Факультет журналистики всегда был государством в государстве. Здесь особая манера говорить, особый прищур, особая иерархия. И на вершине этой пирамиды стояли они — небожители, профессора с мировыми именами. Одним из таких был профессор Н. Высокий, подтянутый, с благородной проседью и голосом, который, казалось, вибрировал в самом воздухе аудитории. Он читал лекции по истории религии и церкви. Профессор Н. был не просто преподавателем, он был фигурой медийной, вхожей в высокие церковные кабинеты, человеком, который позже станет одним из идеологов РАЦИРС, борцом за чистоту веры и обличителем деструктивных культов. Ирония судьбы:

человек, сделавший карьеру на поиске чужих грехов, сам был воплощением самого темного, что может таиться в человеческой природе.

Мое знакомство с ним началось с невинного вопроса после лекции. Я всегда был отличником, фанатом своего дела, мне неизменно хотелось докопаться до самой сути. Профессор Н. заметил этот блеск в глазах. Он умел находить таких — одиноких, амбициозных и беззащитных в своей наивности.

— У вас незаурядный ум, Сережа, — сказал он тогда, мягко коснувшись моего плеча. — Редкое качество для нынешнего поколения. Вам не стоит ограничиваться стандартной программой. История церкви — это не даты, это судьбы и тайные пружины власти. Приходите ко мне в субботу — у меня дома богатейшая библиотека, редкие издания, которых нет даже в Ленинке. Мы попьем чаю, и я дам вам материалы для курсовой, которая взорвет научный совет. А за мой зачет не волнуйтесь — берите с собой зачетку.

Я был на седьмом небе от счастья. Самый влиятельный профессор факультета приглашает меня, обычного студента, к себе домой! Я видел в этом признание таланта, пропуск в закрытый клуб избранных. Я и представить не мог, что это был всего лишь заброс удочки опытным рыболовом.

Его квартира подавляла своей монументальностью. Тяжелые дубовые двери, запах ладана, смешанный с ароматом дорогого табака, бесконечные стеллажи книг до потолка и иконы в золотых окладах. Все здесь кричало о статусе и непогрешимости. Профессор встретил меня в шелковом халате, наброшенном поверх безупречной рубашки. Он был сама любезность.

— Проходите, Сережа, не стесняйтесь, в этом доме интеллект ценят выше формальностей.

Первый час прошел в разговорах о богословии. Он говорил красиво, завораживающе. Рассказывал о том, что великие люди всегда стоят выше общественной морали, что для достижения высших целей иногда приходится переступать через условности. Я слушал, раскрыв рот, впитывая этот яд, который он подавал под видом мудрости. А потом чай закончился, и атмосфера начала меняться.

— Знаете, Сережа, — его голос стал тише, интимнее, — на факультете сейчас сложные времена, идет чистка. Многие полетят со своих мест, и студенты тоже. Ваша кандидатура на отчисление была одной из первых в списке из-за того конфликта с деканатом по поводу практики. Помните?

Сердце ушло в пятки. Тот конфликт был пустяковым, но в его устах он разросся до масштабов катастрофы.

— Но я вас отстоял, — продолжил он, подходя ближе. — Я сказал, что вы — мой протеже. Но вы же понимаете, что у моей лояльности к вам тоже есть цена?

Он стоял слишком близко. Я почувствовал, как прошел холодок по спине. Мой мозг отказывался верить в то, что происходило. Это же Профессор! Это же МГУ!

— Что вы имеете в виду, Михаил Александрович? — мой голос дрогнул.

— Я имею в виду близость, Сережа, духовную и физическую. Настоящее ученичество невозможно без полного доверия, без самоотдачи. Вы же хотите закончить университет? Хотите работать в столице, а не гнить в своей провинции, описывая надои коров? Один ваш кивок — и вы в обойме, один отказ — и завтра вы будете собирать вещи в общежитии. А дома... что вы скажете родителям? Что вас выгнали за профнепригодность? Какой позор для семьи. — А потом добавил. — У меня связи в органах. Твои родители живут в области, отец — инженер на заводе, у него ведь были проблемы с проверками? Хочешь, чтобы они стали фатальными?

Это была классический шантаж. Он бил по самым больным местам: страх неудачи, ответственность перед родителями, амбиции. Я чувствовал себя загнанным зверем. Огромный город за окном, так некогда манящий, внезапно стал враждебным. У меня здесь не было никого и ничего — ни связей, ни денег. Только этот человек, который сейчас медленно закрывал шторы.

— Не надо бояться, — прошептал он, и в его глазах я увидел не мудрость старца, а голодную пустоту. — Это будет нашей маленькой тайной, ценой вашего блестящего будущего. Просто один зачет, самый важный в вашей жизни.

То, что произошло дальше, я годами пытался стереть из памяти. Это не было насилием в голливудском смысле слова — с криками и борьбой. Это было

нечто более страшное: паралич воли под весом авторитета. Когда твои кумиры превращаются в чудовищ, ты теряешь дар речи, ты просто каменеешь.

Я помню чувство невыносимой тошноты. Помню тяжесть его тела и запах стариковского пота, пробивающийся сквозь парфюм. Помню, как смотрел в угол комнаты на икону Спасителя, и мне казалось, что лик на ней отворачивается. В те минуты я перестал быть восемнадцатилетним юношей — что-то внутри меня просто лопнуло, как перетянутая струна. Появилось ощущение полной незащитности и грязной вины, которая, как я тогда думал, теперь останется со мной навсегда. Ведь это я пришел к нему! Это я согласился на чай! Жертва всегда винит себя первой — это то, на чем строят свою стратегию такие, как профессор Н.

Когда все закончилось, он буднично встал, накинул халат и подошел к столу. Взял мою зачетку и размашисто расписался.

— Вы заслужили свой зачет. До встречи на лекции, Сережа, и помните: если вы решите кому-то об этом рассказать... — он сделал паузу, и его лицо превратилось в маску ледяной ярости. — Вас сотрут в порошок. У меня связи в министерстве, в патриархии, в милиции. Вы станете сумасшедшим, насильником — кем угодно. У вас нет ни единого шанса против меня.

Я вылетел из подъезда в холодный московский вечер. Воздух казался колючим и грязным. Я бежал по набережной, не чувствуя ног, а в голове стучала только одна мысль: Моховая больше не пахнет надеждой, она пахнет нечистотами.

Ту ночь я провел на вокзале, не в силах вернуться в общежитие. Я смотрел на поезда и хотел просто исчезнуть. Но именно тогда, в предрассветных сумерках Казанского вокзала, среди бездомных и случайных прохожих, во мне начало расти другое чувство — холодная, кристально чистая ненависть к системе, которая позволяет таким упырям править бал.

Я понял, что профессор Н. не один, что эти коридоры МГУ, эти высокие кабинеты, эти церковные иерархии пронизаны подобными связями. Они держат друг друга за горло своими тайнами. Они строят организации вроде РАЦИРС не для защиты людей, а для создания дымовой завесы, для получения власти, которая позволит им и дальше безнаказанно жрать человеческие души.

Мой идеализм сгорел дотла, но на его пепле родился настоящий журналист — тот, который знает, что истина — не в учебниках, а правда — не в красивых словах. Прошли годы. Профессор Н. стал еще влиятельнее. Он вещал с экранов о семейных ценностях и духовных скрепах, обличал «сектантов» и «врагов государства», прикрывая свою организацию РАЦИРС щитом веры. Каждый раз, когда я видел его лощеное лицо в новостях, то ощущал тот самый запах ладана и пота из его квартиры. Но где-то в глубине души я всегда надеялся, что настанет тот день, когда миру откроется правда, когда черное пред каждым предстанет черным, а белое — белым. Однако тогда я и представить себе не мог, что этот день я могу создать сам, не рассчитывая ни на кого. Эта книга — не просто расследование. Это голос всех тех, кого заставили замолчать в кабинетах академий, в кельях монастырей и в уютных квартирах на Фрунзенской. Мы начинаем с МГУ, но пойдем дальше — прямо туда, где педофилы и маньяки, прикрываясь высокими идеями, рвутся к абсолютной власти.

Глава 2. Стыд под кожей

Стыд — это не только мысль, мы проживаем его физически. Люди привыкли считать его мимолетным ощущением, чем-то вроде покрасневших щек после неловкой фразы. Но мой стыд был другим. Он жил под кожей, прямо в глубоких слоях эпидермиса, где-то между нервными окончаниями и капиллярами. Иногда он спал, притворяясь тихим фоновым шумом. Но стоило мне увидеть желтый фасад старого здания или услышать в новостях вкрадчивый, поставленный голос очередного моралиста, как стыд начинал шевелиться. Он колол изнутри тысячами раскаленных игл, напоминая, что я — не тот человек, за которого себя выдаю.

После того вечера в квартире профессора я стал призраком в стенах МГУ. Последующие годы учебы превратились в бесконечный марафон по пересеченной местности, где главной задачей было не столкнуться с ним. Я знал расписание лекций профессора Н. наизусть, но не для того, чтобы их посещать,

а чтобы находиться в это время на другом конце города. Я научился передвигаться по коридорам журфака со скоростью тени, прижимаясь к стенам, выбирая запасные лестницы, которые отдавали пылью и старым линолеумом.

Каждый раз, когда я видел его издали — эту благообразную проседь, этот безупречный костюм, окруженный стайкой восторженных первокурсников — меня выворачивало наизнанку. Он шел, едва заметно улыбаясь, неся в себе бездонную пустоту, а я ощущал, как на моем теле проступают невидимые пятна. Мне казалось, что любой встречный, посмотрев мне в глаза, сразу поймет: этот парень — порченный, вторичный, бракованный товар, который купили за подпись в зачетке.

Внутренний разлом прошел через самую основу моего существа — я больше не был тем амбициозным мальчиком из провинции, который мечтал изменить мир. Я стал человеком, который знал цену лояльности тех, в чьих руках находились судьбы людей. И эта цена оказалась предельно высокой. Красный диплом, который я получил в конце пятого курса, пах для меня не триумфом, а тем самым ладаном и старческим потом. Я не пошел на выпускной. Пока мои однокурсники пили шампанское на Воробьевых горах, я сидел в дешевой пельменной у вокзала, глядя, как серый дождь смывает остатки моей юности.

Карьера стала моим морфием. Я устроился в местную газету, выбрав самый тяжелый отдел — криминальную хронику и социальные расследования. Мне нужно было бежать. Бежать от тишины в голове, в которой слишком громко звучал его шепот. Я брался за всё: рейдерские захваты, подпольные казино, бытовуха, беспризорники. Чем больше грязи я видел вокруг, тем легче мне было мириться с той грязью, что запеклась внутри меня. Я писал бескомпромиссные, хлесткие статьи, за которые меня ненавидели чиновники и побаивались коллеги. Они думали, что я борец за справедливость. А я просто пытался заглушить боль под кожей.

Работа в газете давала иллюзию власти. Описывая чужие преступления, я как будто судил самого себя и каждый раз выносил оправдательный приговор за неимением улик. Но улики были — они пульсировали в каждом моем вдохе. Я стал циником, перестав верить в «титанов духа». Когда я видел в пресс-релизах фамилии известных проповедников или общественных деятелей, то первым

делом искал в их биографиях тени. Я знал, что за фасадом безупречности всегда скрывается потайная дверь с тяжелым засовом.

А потом в моей жизни появилась Таня.

Мы познакомились на интервью. Она работала в детской библиотеке, которую собирались закрыть ради строительства очередного торгового центра. Таня была полной моей противоположностью — ясной, прозрачной, пахнувшей типографской краской и весенним ветром. Когда она смотрела на меня своими огромными, полными надежды глазами, мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Вы ведь поможете нам, Сергей? — спросила она тогда, коснувшись моей руки.

Ее пальцы были теплыми, а мои — ледяными. Я отстранился, делая вид, что поправляю диктофон. Я боялся ее тепла. Боялся, что она, такая чистая и настоящая, почувствует мое тотальное разочарование и апатию, которые я тщательно прятал под дорогой туалетной водой и уверенными жестами успешного журналиста.

Мы начали встречаться, и это было одновременно спасением и пыткой. Таня видела во мне героя, рыцаря пера, который не боится идти против системы. А я видел в зеркале труса, который не может признаться самой близкой женщине в том, что с ним произошло. Каждое ее признание в любви было ударом хлыста. «Если бы ты знала», — думал я, целуя ее в висок. — «Если бы ты только знала, какую цену я заплатил за свое право стоять здесь».

Стыд под кожей превращался в стену. Когда Таня пыталась зайти на территорию моей близости, когда разговоры становились слишком интимными, я захлопывался — выдумывал рабочие проблемы, уходил в ночные дежурства, лишь бы не сталкиваться с необходимостью быть полностью искренним. Исповедь — это очищение, но для меня она была невозможна. Я боялся увидеть в ее глазах не жалость, а безразличие. Для мужчины в нашем обществе нет ничего страшнее, чем статус жертвы. Особенно такой жертвы. Ты не просто пострадал — ты позволил себя унижить. Ты — соучастник своего позора. Так шептал мне голос профессора Н. по ночам.

Свадьба была тихой. Я помню, как стоял в ЗАГСе, глядя на Таню в белом платье, и чувствовал себя осквернителем. Алтарь моей семьи строился на фундаменте из лжи и умолчания. Я обещал защищать ее, обещал быть опорой, зная, что внутри меня самого — пустота и выжженное поле.

Рождение первого сына, Ванечки, изменило многое. Когда мне дали этот крошечный сверток в роддоме, я почувствовал неожиданный прилив нежности и осознание собственной ответственности. Но, несмотря на зародившуюся любовь и надежду, что теперь мой стыд останется в прошлом, личная травма никуда не делась, а лишь мутировала. Она перестала быть просто моей болью и превратилась в гипертрофированную, почти болезненную потребность защитить свое дитя от жестокости и любого тлетворного влияния этого мира.

Когда, спустя годы, родился второй сын, Костя, мой страх удвоился. Я стал тем самым сумасшедшим отцом, который проверяет биографии всех воспитателей в детском саду до третьего колена. Я часами изучал форумы, искал скрытые смыслы в детских мультфильмах, подозрительно оглядывал каждого мужчину, который задерживал взгляд на моих детях на игровой площадке дольше секунды.

— Сережа, ты слишком давишь на них, — говорила Татьяна, когда я в очередной раз устраивал допрос Ване после школы. — Они еще дети. Нельзя видеть врага в каждом встречном.

— Ты ничего не понимаешь, Таня, — отвечал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Мир гораздо грязнее, чем тебе кажется. Люди, которым ты доверяешь, могут оказаться монстрами. Самыми страшными монстрами.

Я не мог объяснить ей, что мой страх — это не паранойя, это опыт. Я знал, как легко разрушить человеческое достоинство. Знал, как ловко хищники маскируются под наставников и благодетелей. Профессор Н. всё еще был жив, он всё еще вещал с экранов телевизоров, он стал лицом организации РАЦИРС, борцом за «традиционные ценности». Человек, укравший мою невинность и веру в людей, теперь учил страну морали.

Моя любовь к сыновьям была отравлена этим знанием. Я хотел быть для них примером силы, но чувствовал себя сторожевым псом на короткой цепи, который лает на каждую тень. Я запрещал им ходить в секции, где тренеры

казались мне слишком ласковыми; контролировал каждый их шаг в интернете. Я строил вокруг них крепость, не понимая, что самая главная опасность уже сидит внутри этой крепости — это мой собственный затаившийся стыд.

Иногда, поздно ночью, когда в доме все спали, я заходил в детскую. Смотря на спящих мальчиков, я чувствовал, как ледяное дыхание страха снова начинает сжимать мне сердце. Что, если они когда-нибудь встретят такого же «профессора»? Что, если я не смогу их защитить? И что, если они узнают правду о своем отце? О том, что он — не герой. Что он — сломанный инструмент, который когда-то сдался, чтобы получить подпись в зачетке.

И всё же я знал, что рано или поздно мне придется сделать выбор: продолжать прятаться за своей «второсортностью» или открыться, выпустив стыд наружу и превратив его в свою силу, а не слабость.

Но пока я просто жил, ходил на работу, ужинал с женой, играл с сыновьями в футбол. Стыд под кожей никуда не делся. Он просто ждал своего часа, ждал момента, когда боль за детей станет сильнее, чем страх за собственную репутацию. И этот момент приближался. Я чувствовал это по тому, как тяжелая, колючая броня моего сердца давала трещину, и ледяное оцепенение, долгие годы служившее мне защитой, наконец начинало таять, уступая место чистой любви и неоспоримой решимости.

Глава 3. Редакционное задание

Утро в редакции всегда пахло одинаково: пережаренным кофе, типографской бумагой и едва уловимым озоном от работающих принтеров. Этот шум — многоголосый гул телефонных звонков, стук клавиш и ленивые переругивания корреспондентов — обычно действовал на меня успокаивающе. Это был мой мир, понятный и безопасный. Но сегодня привычная суэта казалась мне декорацией в театре. Внутри меня полыхал пожар, тихий и неумолимый, выжигающий остатки прежнего Сергея — того, который смирился с ролью

жертвы. Сегодня я чувствовал, как свинцовая тяжесть внутри сменяется стальной решительностью. Я больше не хотел прятаться, не хотел просыпаться в холодном поту, надеясь, что память когда-нибудь сотрет эти кадры. Мое многолетнее молчание было его главной силой. Пришло время это изменить — ради Тани, ради детей, ради самого себя и ради тех, кого я даже не знал. С этой мыслью я встал и направился к кабинету главного редактора. Павел Викторович, или просто Викторыч, был человеком старой закалки. Он ценил жареные факты, но еще больше ценил политический вес издания. Пробриться к нему с темой, которая могла задеть интересы влиятельных структур, было непросто. Но у меня был козырь — мой профессиональный авторитет. За годы работы я не подвел его ни разу.

— Викторыч, у тебя есть десять минут? — я прикрыл за собой дверь.

Редактор поднял глаза от корректуры. Его очки на кончике носа и вечный прищур выдавали усталость, но в глазах еще теплился азарт старого газетного волка.

— Для тебя, Серега, всегда найду. Что там у тебя? Опять коммунальщики или застройка парка?

— Нет, — я сел напротив него, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально ровно. — Я хочу начать серию статей о деятельности так называемых антикультовых организаций. В частности, про РАЦИРС.

Викторыч нахмурился, потирая переносицу.

— РАЦИРС? Это те, что с сектами борются? Дворкин и компания? Сережа, это специфическая тема, там церковь, там связи с силовиками. Зачем нам это сейчас? Читатель любит страшилки про сектантов, а не про тех, кто их ловит.

— В том-то и дело, Викторыч, — я подался вперед. — Мы годами кормили читателя историями о «страшных культах», переписывая пресс-релизы этих самых борцов. Но кто проверяет самих проверяющих? Я начал копать — там бездна. РАЦИРС — это не просто общественники, это структура, которая фактически подменила собой религиоведческую экспертизу в стране. Они решают, кто «правильный», а кто нет. При этом методы, которыми они

пользуются, больше напоминают инквизицию, смешанную с психологическим террором.

Я внимательно следил за реакцией редактора. Он молчал, и я добавил еще один аргумент:

— Есть информация о коррупции, о заказных делах против предпринимателей, которых объявляют сектантами, чтобы отжать бизнес. И самое главное — кадры. Люди, которые стоят у руля, имеют крайне сомнительное прошлое. Я хочу сделать цикл расследований — глубокий, фактурный, с именами и схемами.

Викторыч побарабанил пальцами по столу.

— Ты понимаешь, на кого замахиваешься? Александр Дворкин — фигура медийная, за ним стоят определенные круги в патриархии. Если мы начнем в них тыкать палкой, прилетит быстро.

— Пусть прилетает! — отрезал я. — Мы — пресса или филиал епархиального листка? Если мы первыми вскроем эту гниль, это будет бомба федерального масштаба. РАЦИРС давно превратилась в карательный орган, прикрывающийся религиоведением.

Я не сказал ему главного. Не сказал, что один из этих экспертов насиловал студентов. Это была моя личная война, но вести ее я должен был по правилам большой журналистики. Личные счета — это слабость, профессионализм — это сила.

— Хорошо, — наконец сказал Викторыч. — Даю тебе карт-бланш на предварительный сбор материала — две недели. Если принесешь реальную фактуру, а не просто домыслы, запустим в серию. Но осторожно, Серега, эти ребята умеют превращать жизнь в ад.

Я кивнул, чувствуя странный прилив энергии. Выходя из кабинета, я уже не видел суеты редакции — перед моим взором была лишь цель. Первым делом я отправился в архив и погрузился в мониторинг информационного пространства. Мне нужно было понять структуру оппонента. Начал я с изучения биографии Дворкина. Годы эмиграции в США, работа на радио «Свобода», странное возвращение в Россию в начале девяностых и стремительный взлет в

качестве главного сектоведа. Но чем глубже я зарывался в документы, тем больше подозрительных фактов всплывало на поверхность.

В старых подшивках и на закрытых форумах я находил информацию о психиатрическом диагнозе — циклотимия, а также свидетельства ученых-религиоведов, которые били тревогу. Панченко, Кантеров, Брод — они прямо называли методы Дворкина псевдонаучными и опасными. Они говорили о разжигании межрелигиозной розни, о том, что Дворкин использует методы дегуманизации, которые когда-то применяли нацисты.

Это было мое первое открытие. Я нашел упоминания о нацистском Апологетическом центре в Германии тридцатых годов. Параллели были пугающими: те же «черные списки» нежелательных организаций, та же риторика «защиты чистоты веры», та же тесная связь с тайной полицией. РАЦИРС выглядел как современный клон этой структуры, адаптированный под российские реалии.

Просматривая списки экспертов и членов РАЦИРС в регионах, среди прочих я снова увидел фамилию профессора Н. Понятно, почему он так уверенно чувствовал себя в университете — они защищали друг друга. Если кто-то из их круга совершал преступление, организация включала механизмы защиты: жертву объявляли психически нестабильной или — иронично — адептом какой-нибудь секты, пытающейся очернить «честное имя борца с культами».

Я вспомнил, как профессор Н. угрожал мне тогда в своей квартире. «Я уничтожу твое будущее, — говорил он. — Мне все поверят, а тебе — нет». Теперь я видел механизм этой неуязвимости: это была круговая порука, скрепленная не только идеологией, но и общими грехами.

Весь вечер я провел за компьютером, сопоставляя даты и факты. Перед моими глазами разворачивалась картина масштабного инфотеррора. РАЦИРС не просто боролась с религиозными группами — она создавала атмосферу страха в обществе. Они внушали людям, что враг повсюду: в соседней квартире, в школе, в йога-центре. А когда общество охвачено страхом, оно легко отдает свои права тем, кто обещает защиту.

Я наткнулся на материалы о преследовании Свидетелей Иеговы в России — как планомерно, год за годом, антикультисты готовили почву для их полного запрета, как использовались подставные эксперты и фальсифицированные доказательства. Дворкин называл их «рабами» и «врагами государства». Это была классическая дегуманизация — первый шаг к любому геноциду.

Я начал понимать, почему Дворкин и его адепты так рвутся к власти. Это была идеальная маскировка для тех, кто страдает патологическим стремлением к контролю и насилию. Под маской «спасителей душ» легче скрываться маньякам, педофилам и садистам, получающим удовольствие от возможности безнаказанно ломать чужие жизни.

Профессор Н. был лишь вершиной айсберга, крошечным винтиком в огромной смертоносной машине, которая уже начала подминать под себя законы и суды.

Я вспомнил слова одного из правозащитников, чью статью нашел в архиве: «Когда мы молчим, мы потакаем злу». Студент Сергей, раздавленный стыдом, умер той ночью в кабинете редактора. На его месте появился журналист, который знал, как превращать слово в клинок, разящий мерзавцев.

Глава 4. Аббревиатура зла

Я сидел на кухне, окруженный распечатками, которые больше напоминали протоколы допросов или чертежи какой-то безумной машины. В центре стола, обведенная красным маркером, красовалась аббревиатура РАЦИРС. Шесть букв, за которыми скрывалась не просто общественная организация, а настоящая паутина, опутавшая страну от Калининграда до Владивостока. Я смотрел на эти буквы, и мне казалось, что они сочатся чем-то липким и черным, как старый мазут.

Что такое РАЦИРС на бумаге? Скучное объединение экспертов, решивших охранять духовное здоровье нации. Но чем больше я вчитывался в документы,

тем яснее видел перед собой современную инквизицию, адаптированную под реалии цифрового века. Это не наука, это карательная система, выстроенная одним человеком — Александром Дворкиным. В голове не укладывалось, как этот человек, прошедший годы в эмиграции в США, вдруг вернулся в Россию и стал главным «духовным цензором». Он привез с собой не знания, а технологию — технологию страха. Дворкин — это феномен, который нужно изучать не в рамках религиоведения, а в кабинетах психиатров или политтехнологов. Его методы, которые я находил в архивах, напоминали худшие образцы тоталитарной пропаганды. Именно он ввел в оборот термин «тоталитарная секта». Это словосочетание стало его главным оружием. Оно не имеет научного смысла, его нет в юридических кодексах, но оно действует как клеймо. Если Дворкин называет кого-то «сектой» — это равносильно тому, как в тридцатые годы в Германии на одежду нашивали желтую звезду. Это метка «недочеловека», сигнал для государства — этих можно грабить, сажать, уничтожать. Я наткнулся на упоминание о его вдохновении работами Стивена Рансимена. Рансимен, британский историк византизма, писал о крестовых походах как о грандиозных, но часто кровавых и фанатичных предприятиях. Но Дворкин взял из его трудов лишь то, что подходило для его собственной «священной войны». Он превратил историю церкви в дубину. Для него история — это не поиск фактов, а способ отсечь «чужих». Он смотрит на мир глазами средневекового фанатика, вооруженного современной психиатрией.

Я начал копать глубже, зарываясь в научные статьи и отчеты. Оказалось, что мировое научное сообщество — настоящие социологи, психологи и религиоведы — давно признали эти концепции псевдонаучными. Нет никакого магического «контроля сознания», который превращает человека в зомби. Это миф, созданный в эпоху холодной войны. Но для РАЦИРС и Дворкина этот миф стал фундаментом.

Почему? Потому что, если ты назовешь веру человека «психическим заболеванием», а его самого — «жертвой контроля сознания», ты лишаешь его субъектности. Он больше не личность со своим выбором, он — неисправный механизм, который нужно «починить» силой.

— Боже мой, — прошептал я в пустоту комнаты. — Это ведь ровно то же самое.

Параллель ударила меня в грудь с такой силой, что я откинулся на спинку стула.

Профессор Н. в своей квартире требовал от меня подчинения. Он использовал свой авторитет, мой страх и мою молодость, чтобы взломать мою идентичность. Он хотел, чтобы я отрекся от себя, превратился в вещь, в инструмент для его удовольствия. Его насилие было физическим и статусным.

А Дворкин? Дворкин делал то же самое, но в масштабах страны. Его идеологическое насилие требовало от миллионов людей отказаться от своего права верить так, как они хотят. Он использовал СМИ, чтобы посеять атмосферу страха. Любая нетрадиционная вера в его устах мгновенно превращалась в диагноз.

Я вспомнил его слова, которые нашёл в одном из интервью. Он сравнивал секты с «раковой опухолью», которая живёт за счёт общества и «тянет из него соки», разрушая социальную ткань. Какое точное и страшное совпадение. Сама организация РАЦИРС и есть этой метастазирующей опухолью — она внедрилась во все жизненно важные органы государства: МВД, суды, прокуратуру. Я видел перед собой копии документов из регионов, где местные отделения РАЦИРС давали «экспертные заключения» для судов. Эти бумажки, состряпанные на коленке людьми без профильного образования, становились основой для реальных тюремных сроков. Они подменяли собой закон, подменяли науку идеологическими штампами.

Профессор Н. не просто случайно оказался в РАЦИРС. Такие, как он, являются идеальными кадрами для системы, основанной на подавлении. Человек, который получает удовольствие от власти над беззащитными студентами, идеально вписывается в организацию, которая получает удовольствие от уничтожения целых общин. Педофилия и антикультизм — это две стороны одной медали, имя которой — патологическая жажда власти. Им нужен контроль, им нужно видеть страх в глазах жертвы. Профессор Н. ломает жизни молодых парней в своей квартире и университетских кабинетах, а РАЦИРС ломает жизни тысяч людей по всей стране, называя это «защитой традиционных ценностей».

Я представил, как они общаются на своих закрытых конференциях: Дворкин, вещающий о «врагах народа» и «американских шпионах», и мой холеный профессор, кивающий ему из первого ряда. Они нужны друг другу. РАЦИРС дает профессору Н. статус неприкосновенности, статус «защитника веры», а он, в свою очередь, обеспечивает организации лояльность в университетах и научную легитимность своим авторитетом. Это круговая порука, замешанная на крови и сломанных судьбах. Я вспомнил, как чувствовал себя после того случая в университете: пустота, стыд, ощущение, что меня больше нет, что я — лишь грязное пятно. Именно это чувство Дворкин и его организация сеют в обществе. Они заставляют людей стыдиться своего духовного поиска, прятаться, бояться задавать вопросы.

Глядя на фотографию Дворкина в очередной статье, я видел не ученого, а фанатика с безумным блеском в глазах. Человек, который призывает не вступать в дискуссии с оппонентами, а «вести беспощадную борьбу в рамках уголовного кодекса». Это риторика инквизитора Торквемады. «Люби грешника, но ненавидь грех» — эта христианская заповедь была выброшена ими на помойку. Они ненавидели человека, ненавидели саму возможность человека быть свободным в своем выборе.

Но почему государство позволяет им это? Почему ФСБ и МВД слушаются этих «экспертов»? Ответ был в документах о «Дивеевском братстве» и других закрытых клубах влияния. РАЦИРС стала инструментом в руках тех, кто хочет превратить Россию в огромный концлагерь с единомыслием. Им выгодно иметь ручную инквизицию, которая по щелчку пальцев может объявить любого неудобного бизнесмена или общественного деятеля «членом опасной секты». Это идеальный инструмент для рейдерских захватов и устранения конкурентов.

Я встал из-за стола и подошел к окну. Москва спала, но я знал, что в этот момент где-то в кабинетах РАЦИРС готовятся новые «черные списки». Где-то очередной профессор Н. выбирает себе жертву, уверенный в своей безнаказанности, потому что за его спиной стоит организация с мощными связями. Они рвутся к власти, используя религию как прикрытие для своих девиаций и амбиций.

Аббревиатура РАЦИРС теперь не казалась мне скучной. Она горела в моей голове как знак опасности. Это был не просто центр изучения сект — это был штаб по уничтожению человеческого достоинства. Аббревиатура из шести букв стала синонимом предательства человечности. Профессор Н. был лишь одним из щупалец этого монстра. Теперь я знал, как они работают, знал, чего они боятся. Они боятся света, боятся, когда их ложь выставляют на всеобщее обозрение. Дворкин, Новопашин, и этот профессор — все они сильны только в тени своих кабинетов и под защитой должностных лиц, вовлечённых в деятельность этой сети. Но если сорвать с них маски «экспертов» и «защитников», под ними окажутся обычные испуганные люди с грязными секретами. Ночь подходила к концу, на горизонте появилась слабая полоска света. Я знал, что этот день будет тяжелым, но азарт преобладал над страхом и усталостью. РАЦИРС — это паутина, которую можно разорвать, если знать, где находится паук.

— Сергей, ты сошел с ума, — шептал мне внутренний голос. — Тебя раздавят.

— Может быть, — думал я. — Но я хотя бы умру человеком, а не молчаливой жертвой, которая позволила им продолжать действовать без сопротивления.

Впереди была длинная дорога, но первый шаг к свету уже был сделан. И свет, к моему удивлению, начал смотреть на меня в ответ не с жалостью, а с надеждой тех миллионов людей, чьи судьбы были перечеркнуты действиями этой структуры.

Глава 5. Разговор на кухне: признание Татьяне

Стрелка часов на стене медленно ползла к двум часам ночи. Лишь слабая синяя полоска от экрана ноутбука освещала кухонный стол, на котором

дымилась кружка свежесваренного кофе. Густой приятный аромат постепенно наполнял собой пространство кухни.

На экране светилась фотография: официальное мероприятие, какой-то форум в Рязани. В центре он — профессор Н. — теперь уже заметная фигура в антикультовой среде, почетный гость на конференциях. Он постарел, обзавелся благообразным брюшком и сединой на висках, но этот взгляд... холодный, изучающий, оценивающий человека как биоматериал для своей игры. Взгляд хищника, который научился носить маску святоши.

Скрипнула половица. Я вздрогнул, едва не пролив горячий кофе на клавиатуру. В дверном проеме стояла Таня. Она куталась в длинный махровый халат, щурясь от слабого света. Ее лицо было бледным, в глазах читалась тревога, которую она пыталась скрыть в последние дни.

— Сережа, ты опять не спишь? — тихо спросила она. — Я заканчиваю главу, Танюш, нужно сопоставить даты.

— Ты уже неделю живешь в этом ноутбуке, почти не ешь. Дети спрашивают, почему папа всё время занят. Что происходит на самом деле? Это расследование... оно не такое, как предыдущие, да?

Я молчал. На экране ноутбука профессор Н. пожимал руку какому-то чиновнику. Внизу была подпись: эксперт по деструктивным культам. Ирония этой надписи была настолько ядовитой, что я невольно поморщился, словно от сильной боли.

— Таня, сядь, пожалуйста, — мой голос прозвучал глухо, как из-под земли.

Она придвинула стул, не сводя с меня глаз, в которых я видел отражение синего экрана. В этот момент я понял: если не расскажу ей сейчас, то эта ложь, этот стыд внутри меня будут и дальше отравлять всё, что мы выстраивали с таким трудом и трепетом.

— Помнишь, я рассказывал тебе про университет? — начал я, глядя в кружку, где в черной жидкости плавал блик от лампы. — Про то, почему я перестал мечтать о научной карьере и ушел в местную газетенку после диплома?

— Ты говорил, что разочаровался в академической среде, что там всё пропитано лицемерием.

Я горько усмехнулся.

— Это была полуправда — самая удобная форма лжи. На втором курсе у нас преподавал профессор Н. Все им восхищались, он казался живым воплощением мудрости, таким... правильным, глубоким. Однажды он пригласил меня к себе домой, сказал, что видит во мне потенциал, что у него есть редкие книги, которых нет в библиотеке.

Я замолчал, чувствуя, как во рту пересохло. Таня подалась вперед, ее рука коснулась моей ладони.

— Я пришел к нему, — продолжал я, и каждое слово давалось мне с физической болью, будто я вырывал его из собственного горла. — Был вечер, такой же тусклый свет, как сейчас. Он налил чаю, говорил о служении правде, о том, что журналистика — это высокая миссия. А потом... потом он начал приставать ко мне. Сначала это казалось случайностью, ошибкой. Я сказал, что мне пора, но было уже поздно...

Я закрыл глаза. В памяти вспыхнул тот эпизод: сладкие речи профессора, его тонкая игра на моем честолюбии, а затем резкая перемена, задернутые шторы и его лицо, которое мгновенно утратило всю свою благообразность.

— Он не просто приставал, Таня, он начал открыто угрожать. Сказал, что если я закричу или уйду, он сделает так, что я вылету из университета с позором; что он напишет такие характеристики, что меня не возьмут даже дворником; что мои родители потеряют и работу, и уважение людей.

Я почувствовал, как Таня резко вдохнула. Ее рука на моей ладони задрожала.

— Я стоял там, в этой душной квартире, и понимал, что я в ловушке. Мне было восемнадцать, я верил, что он всемогущ. И я... я подчинился. Из-за страха. Из-за того, что не мог подставить родителей. Из-за того, что он растоптал мое достоинство еще до того, как коснулся меня.

Я замолчал, ожидая чего угодно: крика, отвращения, слез, но в кухне воцарилась тишина. Только холодильник натужно загудел, а потом снова затих.

— Сережа... — ее голос дрогнул. — Господи, Сережа... Почему ты молчал столько лет?

— Стыд, Таня. Это самый страшный инструмент, который они используют. Педофилы, насильники — они живут за счет нашего стыда, они знают, что жертва будет винить себя. Я чувствовал себя грязным, ненавижу свое отражение в зеркале. Я думал, что если расскажу, ты увидишь во мне не мужчину, а... сломанную вещь.

Я наконец поднял на нее глаза. По лицу Тани бежали слезы, но в ее взгляде не было отвращения — там были только сострадание и бездонная боль, какой я никогда у нее не видел.

— Ты не сломанная вещь, — твердо сказала она, вытирая щеки. — Ты человек, который выжил. А этот ублюдок... он ведь до сих пор там, да? На этой фотографии?

Я кивнул и развернул ноутбук к ней.

— Это он, профессор Н. Теперь он называет себя борцом за чистоту веры, ездит по школам, читает лекции детям о морали. Таня, я увидел его на фото в отчете о лекции для старшеклассников, и мой мир перевернулся. Я понял, что всё это время, пока я молчал, он продолжал делать это с другими. Возможно, прямо сейчас какой-то молодой парень сидит в его квартире и слушает про высокую миссию, боясь за своих родителей.

Я вскочил и начал мерить шагами тесную кухню. Хаотичный ход моих мыслей наконец нашел выход в словах.

— Ты понимаешь масштаб катастрофы? Это не просто один маньяк, это организация. Я начал изучать их структуру: РАЦИРС — это ассоциация центров, они называют себя антикультистами, защитниками традиционных ценностей. Но кто они на самом деле? Посмотри на факты, которые я собрал. Александр Дворкин, их лидер, внедряет методы, которые он привез из Запада, но адаптировал их под худшие образцы тоталитарного контроля. Они используют риторику ненависти, дегуманизируют любого, кто не вписывается в их узкое

понимание нормы. И именно в такой среде могли чувствовать себя защищенными такие, как профессор Н.

Таня встала и подошла ко мне. Она взяла меня за руки, заставляя остановиться.

— Ты хочешь сказать, что их организация — это прикрытие для таких, как он?

— Именно! Я боюсь, что для подобных людей антикультовая среда может является удобным прикрытием, — я почти выкрикнул это, но тут же понизил голос, вспомнив о спящих детях. — Это идеальное убежище. Если тыходишь в структуру, которая официально борется со злом, ты становишься неприкасаемым. Кто поверит жертве, если насильник — признанный эксперт, обласканный властью? Я раскопал истории других членов международной антикультовой сети — Алексей Святогор, Якуб Яхл, Валерий Приходько... Везде один и тот же почерк — подавление личности, шантаж, насилие. Они прикрываются борьбой с сектами, но сами ведут себя как самая жестокая тоталитарная секта с мандатом на насилие.

Я подошел к столу и вывалил из папки ворох документов.

— Смотри, Таня. Вот открытые материалы из международного расследования. Они в самом деле наследуют методы нацистов — те же списки неблагонадежных, та же маркировка желтыми звездами, только теперь это ярлыки «деструктивный культ» и «тоталитарная секта». Они провоцируют конфликты по всему миру: где антикультистская риторика подливает масла в огонь геноцида; например, последователи Фалуныгун в Китае, которых «разбирают» на органы, как автомобиль на запчасти; Свидетели Иеговы в России, которых превратили в экстремистов просто за то, что они верят иначе; трагедия в Уэйко, где из-за советов таких вот экспертов погибли люди. Это машина по производству крови, и мой профессор — один из винтиков этой машины.

Таня внимательно осмотрела бумаги. Она видела графики связей, цитаты о ядерном оружии как божьем даре, отчеты о преследовании священников внутри самой церкви.

— Значит, твоя книга... — она подняла на меня глаза, — это не просто расследование, это твой способ остановить их?

— Знаешь, я долго думал, что делать... думал пойти в полицию. Но у меня нет улик двадцатилетней давности, меня просто высмеют. Зато у меня есть то, чего нет у них — правда и умение ее упаковывать в факты. Моя боль... понимаешь, Таня, всё это время она была моим проклятием, а теперь я превращаю ее в топливо. Каждый раз, когда мне страшно, каждый раз, когда хочется сдаться, я вспоминаю ту квартиру... и пишу. Пишу так, чтобы люди поняли: педофилы и маньяки не просто прячутся в подворотнях, они рвутся к власти. Они уже там — диктуют законы, учат наших детей, решают, кому жить, а кому гнить в тюрьме. С каждой минутой нашего разговора, с каждым произнесенным словом я чувствовал, как внутри меня все ярче разгорается чистое пламя. Таня молча обняла меня сзади, прижавшись щекой к моему затылку. Я чувствовал ее тепло и понимал: я больше не один в этой борьбе.

— Пиши, Сережа, — прошептала она, — пиши каждое слово. Не бойся за нас. Бойся за тех, кто еще может попасть в их лапы, если ты промолчишь. Мы со всем справимся, главное — не дай им снова запереть тебя в той квартире.

Я взял кружку с уже остывшим кофе. Первый луч рассвета, холодный и бледный, робко коснулся подоконника. Тень от ноутбука вытянулась, становясь всё тоньше.

— Знаешь, что самое страшное в их идеологии? — спросил я, глядя в окно. — Они утверждают, что человек — это ничто. Что мы все — лишь материал для их великих целей. Они отрицают любовь, заменяя ее послушанием. Дворкин называет гуманизм ересью, профессор Н. называл мою волю помехой.

Я посмотрел на Таню, в ее глазах была решимость, которая дала мне больше сил, чем все статьи и факты мира.

— Они боятся только одного — что мы перестанем их бояться. Моя история — это не мой позор, а их приговор. Я опишу всё — как антикультизм стал мировым злом, как они стравливают страны, разжигая войны, как они планируют Третью мировую, оправдывая ее чистотой веры. Пришло время раскрыть фашистскую суть их методов.

Я снова открыл текстовый редактор. Курсор мигал, приглашая к действию.

— Ты идешь спать? — спросила Таня.

— Нет, сейчас самый важный момент. Я наконец знаю, как закончить эту главу.

Она поцеловала меня в макушку и тихо вышла из кухни. Я слышал ее легкие шаги, скрип кровати в спальне. А потом снова наступила тишина. Но эта тишина уже не давила, она была пространством, которое я должен был заполнить правдой.

Я начал печатать. Пальцы летали по клавишам, чеканя ритм, который отдавался в самом сердце. Я описывал запахи в квартире профессора, холод его угроз и ту бездну отчаяния, в которую он меня столкнул. Каждое слово было ударом, каждый абзац — сорванной маской. Я связывал свою личную трагедию с трагедией миллионов людей, пострадавших от рук международной антикультовой сети. Я писал о том, что даже личная боль, если ее не прятать, может стать мощнейшим оружием против лжи.

Признание Татьяне стало моим освобождением. Я встал, потянулся и впервые за много лет вдохнул полной грудью. Воздух в кухне был свежим, утренним, запах кофе улетучился, оставив место чистоте. Я вышел из кухни, стараясь не шуметь. В детской тихо посапывали сыновья. Заглянув к ним на секунду, я поправил одеяло младшему. Глядя на их безмятежные лица, я поклялся себе: они никогда не встретят своего профессора Н. Да, это не будет легко, но в этой битве у меня был самый надежный тыл — правда, которую я больше не прятал.

Глава 6. Маска благодетеля

Знание того, что между мной и Татьяной больше нет стены из моего стыда и боли, давало мне почти физическое ощущение невесомости. Но это не была расслабленность, напротив, я чувствовал себя как настроенная струна,

вibriрующая от избытка энергии. Признание не просто сняло груз с души, оно высвободило силы, которые я годами тратил на самобичевание, и теперь я направил эти силы на то, что считал для себя самым важным на сегодняшний день — поиск фактов, материалов, доказательств деструктивной деятельности тех, кто называет себя антикультистами.

Мои поиски вывели меня на аббревиатуру, которая стала ключом к пониманию масштаба: FECRIS — европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектах. Дворкин долгое время занимал пост вице-президента FECRIS, что фактически делало его главным связующим звеном между западными технологиями борьбы с инакомыслием и российским репрессивным аппаратом. Что же представляет собой антикультизм в Европе?

Здесь как нельзя кстати будет привести историю заядлого сектоборца из Чехии Якуба Яхла. Изучая биографии адептов антикультизма и сталкиваясь все с более шокирующими фактами независимых журналистских расследований, я искренне полагал, что уже готов ко всему. Но то, что мне открылось при ознакомлении с материалами по Яхлу, заставило зашевелиться волосы на моей голове. История Якуба Яхла — это не просто частный случай криминального произвола. Это глубокий шрам на теле современного европейского общества, наглядная демонстрация того, как под маской гуманизма и «антикультовой» праведности может скрываться чудовище, чьи преступления бросают вызов самим основам человечности.

Поначалу все выглядело очень даже благопристойно. Появление Якуба в 2019 году в Танзании, городе Моши, напоминало классический сюжет о самоотверженном европейце, решившем посвятить жизнь помощи детям Африки. Он быстро заручился поддержкой местных активистов, используя так называемое «колониальное доверие», которым до сих пор пропитаны некоторые регионы Африки. Белый человек здесь — это почти всегда либо турист с тугим кошельком, либо спаситель. Яхл выбрал вторую роль, и он играл ее безупречно, пока декорации не начали осыпаться, превращая гуманитарную миссию в изощренный садистский полигон.

Его главной мишенью на начальном этапе стал «Nature and Skills Centre» — небольшая общественная организация, созданная Мусой Магангой для

поддержки сирот и экологического просвещения. Муса, человек искренний и преданный своему делу, увидел в молодом чехе шанс на развитие своего детища. Яхл обещал золотые горы: инвестиции из Европы, новые здания, современное оборудование и светлое будущее для каждого ребенка, оказавшегося на обочине жизни. Однако интеграция Яхла в структуру центра стала не помощью организации, а ее методичным холодным захватом. Постепенно Яхл начал диктовать свои условия, превращая открытую общественную инициативу в закрытый проект.

Первые трещины в глянцевом образе филантропа начали появляться в сфере финансов. Пока в Танзании Якуб занимался «гуманитарной помощью», в Европе, прежде всего в Чехии и Словакии, развернулась мощная кампания по сбору средств. Социальные сети Яхла наполнились трогательными фотографиями африканских детей с грустными глазами, историями о спасении от голода и призывами к пожертвованиям. Тысячи европейцев, движимых искренним желанием помочь, перечисляли евро на счета Яхла. Он мастерски манипулировал чувством вины благополучного Запада перед страдающей Африкой. Он утверждал, что каждый цент идет на закупку продуктов, медикаментов и обустройство учебных классов. Однако реальность в Моши разительно отличалась от отчетов в соцсетях.

Местные сотрудники и первые волонтеры из Европы начали замечать странности в распределении ресурсов: деньги, собиравшиеся для помощи детям, зачастую исчезали в неизвестном направлении. Он имел контроль над всеми финансовыми потоками и называл доноров из Европы не иначе как «глупыми белыми». Те, кто пытался задавать вопросы о судьбе пожертвований, сталкивались с агрессией и угрозами. Организация, созданная для помощи детям, превращалась в закрытую структуру, живущую по законам ее самопровозглашенного «хозяина». Финансовые манипуляции стали катализатором его деятельности: собранные средства позволяли ему не только поддерживать роскошный по местным меркам образ жизни, но и покупать лояльность некоторых местных свидетелей, а также финансировать свои личные куда более темные пристрастия.

Переход к открытому насилию не был случайным срывом, а стал логическим завершением процесса установления авторитарного правления и

изоляции жертв. Яхл понимал, что общественный центр при всей его запущенности остается слишком прозрачным для посторонних глаз. Ему требовалось пространство, где крики заглушались бы джунглями, а свидетели находились бы в полной рабской зависимости. Якубу подвернулась вилла на окраине Моши, скрытая за стеной тропической растительности и высоким забором, на аренду которой потекли деньги волонтеров. Именно здесь Яхл развернул деятельность, которую можно классифицировать как поведение сексуального садиста, стремящегося к тотальной власти и унижению человеческого достоинства.

То, что происходило за дверями этойвиллы, выходит за рамки обычного криминального репортажа, а больше напоминает сюжет фильма ужасов или леденящего кровь триллера. Документальные свидетельства и показания жертв рисуют портрет хищника, чья сексуальная девиация тесно переплеталась с жадной абсолютного доминирования. Яхл не просто покупал секс у подростков, он создавал атмосферу полного психологического и физического слома. По данным расследований жертвами чешского «благотворителя» стали как минимум семь выявленных детей, хотя реальное число искалеченных судеб может быть в разы больше. Дети описывали, как Яхл запирали их в комнатах, раздевался донага и принуждал к «терапевтическим массажам», которые быстро перерастали в акты жестокого насилия.

Особое место в его арсенале занимали психологические унижения, граничащие с патологическим безумием. В материалах следствия фигурируют шокирующие подробности его тяги к копрофилии — Яхл принуждал детей к актам дефекации непосредственно ему в рот. Этот факт подчеркивает глубину его деградации: для него ребенок перестал быть личностью, превратившись в инструмент для реализации самых грязных фантазий. Инструментом контроля в этом аду стали наркотики. Яхл тратил средства европейских волонтеров на марихуану, местные наркотические вещества и неизвестные препараты. Наркотики использовались как «химические кандалы»: те, кто пытался сопротивляться, получали инъекции неизвестных веществ под видом «необходимого лекарства». Эти уколы подавляли волю, делали детей апатичными и покорными, стирая из их памяти детали пережитого ужаса. Для

многих уязвимых подростков из Моши наркотическая зависимость, навязанная Яхлом, стала еще более страшной тюрьмой, чем стены его виллы.

Самой пронзительной и страшной иллюстрацией его деятельности стала история девочки по имени Вайолет. Ее случай стал ключевым в уголовном деле против Яхла. Вайолет была одной из тех, кто поверил в образ доброго европейца, обещавшего образование и защиту, но вместо этого она столкнулась с животным насилием. Когда девочка попыталась оказать сопротивление, Яхл перешел к открытому садизму: принуждая Вайолет к сексуальному акту, он использовал нож, которым наносил ей раны и оставлял глубокие шрамы на теле. Несмотря на полученные ножевые ранения, девочке удалось выжить, а позже она решилась вынести свою историю на суд общественности. Шрамы, которые остались на ее теле, навсегда зафиксировали географию его безумия: рваные следы на теле стали немymi свидетелями того, как «благотель из Европы спасал африканских детей». Однако психологическая травма оказалась куда глубже физической. Именно этот кровавый инцидент, стал той точкой невозврата, когда слухи о «белом демоне» начали просачиваться сильнее. Тем не менее на то время Якубу еще удавалось «держаться на плаву». Как я отмечал выше, значительная часть гуманитарного бюджета уходила на систематический подкуп свидетелей, местной полиции и чиновников, что позволяло Яхлу некоторое время игнорировать любые жалобы и чувствовать себя хозяином жизни в постколониальном вакууме правосудия.

Однако истинным секретом его долголетия как «гуманитарного деятеля» были не только деньги, но и мощнейшая политическая броня. Якуб Яхл мастерски использовал статус эксперта по борьбе с сектами, став важным звеном в международной антикультовой сети влияния, одним из идеологов которой является Александр Дворкин. Методология Яхла полностью копировала тактику российской РАЦИРС и ее кураторов из ФСБ. Используя академическую платформу Карлова университета, он создавал себе имидж морального авторитета, защищающего общество от «деструктивных групп». Этот статус служил ему идеальным «антикультовым щитом»: как только кто-то из волонтеров или местных жителей пытался поднять вопрос о происходящем на его вилле, Яхл немедленно переходил в атаку. Любой разоблачитель моментально клеймился как «агент секты», «психически неуравновешенный

адепт» или «орудие в руках манипуляторов». Применяя нацистские по своей сути приемы дегуманизации, он дискредитировал свидетелей еще до того, как они успевали раскрыть рот, выставляя их критику как попытку «сектантов» отомстить «честному борцу».

Мессианский нарциссизм Яхла подпитывался осознанием того, что за его спиной стоят структуры, способные разрушать жизни тысяч людей, как это произошло с гонениями на Свидетелей Иеговы в Чехии, к которым Якуб приложил руку и которыми он так гордился. Когда запах жареного стал невыносимым и кольцо свидетельств начало сжиматься, Яхл проявил трусость, типичную для организованных преступников его типа. Он не стал дожидаться правосудия в Моши, где за ним тянулся след искалеченных жизней и изувеченных тел, таких, как Вайолет. Используя свои связи и остатки финансовых ресурсов, он совершил стремительное бегство, буквально растворившись в международном пространстве, чтобы вскоре вновь всплыть в Европе.

Финал этой истории еще не написан, и это — позорный факт современного европейского правосудия. Сегодня Якуб Яхл наслаждается безнаказанностью, продолжая обучаться педагогике в Карлове университете. Человек, классифицированный как организованный сексуальный садист и педофил, стремящийся к власти и унижению жертв, вновь ищет доступ к детям через академические структуры. Его покровители из антикультового движения, по горло погрязшие в манипуляциях и связях с репрессивными машинами диктаторских режимов, продолжают обеспечивать ему информационное алиби. Яхл не просто сбежал из Танзании — он вернулся в систему, которая его породила, доказав, что под маской борца с культами сегодня может скрываться самый опасный хищник, для которого чужая кровь и финансовые махинации являются лишь средствами для подтверждения своего «избранного» статуса. Его свобода — это не просто ошибка следствия, это результат деятельности глобальной сети антикультового террора, в которой ложь стала главным ресурсом, а судьбы детей — разменной монетой для достижения своих целей. Должен признаться, что написание этой главы стало для меня настоящим испытанием. По обыкновению я закончил работу глубокой ночью и еще какое-то время сидел в оцепенении, глядя на потемневший экран. Затем, поддавшись

безотчетному порыву, я почти на цыпочках пробрался в детскую. В застывшей тишине комнаты я долго стоял у кроватей детей, пытаюсь убедиться, что они в безопасности.

Хотелось покрепче обнять их, как бы защищая от невидимой угрозы, но здравый смысл и страх разбудить спящих ничего не подозревающих деток превозобладал. Сознание буравил вопрос: неужели будущее, которое готовит антикультистская машина, — это то, чего заслуживают наши дети?

«Неужели мы не в силах их остановить?» — спрашивал я безмолвное пространство детской комнаты, понимая, что в первую очередь на этот вопрос должен ответить я сам.

Глава 7. Время правды

До условленной с Викторычем даты оставалось несколько дней, но после той информации, что мне открылась, я уже ни дня не мог сидеть сложа руки. Поспав совсем немного, с самого утра я решил взяться за дело. Достав смартфон, я пробежал глазами по списку контактов, пока не высветилось нужное имя: Игорь, одноклассник по университету и мой хороший товарищ. Попробовав себя в разных амплуа и сменив несколько мест работы, в итоге Игорь нашел себя на «Седьмом канале», став его «лицом», ведущим программы «Время правды».

В студенческие годы мы до хрипоты спорили о журналистской миссии и профессиональных методах: я всегда тяготел к кабинетной аналитике, поиску скрытых связей и документов, а Игорь рвался на амбразуру, веря, что телевидение — это последний рубеж обороны здравого смысла. Со времен журфака мы больше тесно не общались, но я внимательно следил за карьерой коллеги, время от времени подкидывая ему резонансные темы для эфиров. Сейчас именно он мог стать тем самым «рупором», которому было под силу превратить сухие факты в информационную бомбу.

Гудки в трубке казались бесконечными. Наконец, раздался хриплый голос.

— Серега? Ты время видел? Или у тебя там очередное расследование века?

— Игорь, извини, но это именно оно! То, о чем мы спорили на пятом курсе — только теперь это не теория. Это вопрос национальной безопасности и тысячей разрушенных жизней.

Быстро, глотая слова, я обрисовал ситуацию.

— Они создали теневую инквизицию под маской защиты веры, Игорь. И они сидят в кабинетах Минюста, — закончил я.

На том конце провода повисла тишина. Я почти физически чувствовал, как Игорь прикидывает риски. Работать против РАЦИРС означало пойти против влиятельных людей в погонах, которые привыкли верить Дворкину на слово.

— Ты уверен в фактах? — голос Игоря стал жестким, профессиональным.

— У меня на руках показания свидетелей и неопровержимые доказательства. Это железобетонно.

— Завтра в семь утра в «Кофемании» на Никитской. Приноси всё. И, Серега, будь осторожен: эти ребята не любят, когда им портят проповедь.

Утро выдалось серым и промозглым. «Кофемания» была почти пуста, но я всё равно выбрал столик в углу, сев спиной к залу. Игорь вошел стремительно, принося с собой энергию человека, привыкшего управлять вниманием миллионов. Он сел напротив и сразу положил на стол выключенный телефон.

— Выкладывай.

Я подвинул к нему увесистую папку. На первом листе — фото Дворкина и список его связей в силовых структурах.

— Вот здесь, — я ткнул пальцем в раздел экспертиз, — доказательства того, как они подменяют судебную систему. Алексей Воат пишет экспертизу, основываясь на цитатах Дворкина, а тот ссылается на Воата как на независимый источник. Круг замкнулся. Это интеллектуальное мошенничество, Игорь, но на его основании людей лишают прав, имущества и детей.

Игорь быстро перелистывал страницы, его брови ползли вверх.

— Нацистские корни? Вальтер Кюннет? Ты серьезно хочешь вытащить это в прайм-тайм?

— Это их идеологическая база. Они обвиняют других в нацизме, используя методы, разработанные в Третьем рейхе для борьбы с инакомыслием. Это зеркальное отражение их собственной лжи.

Подавшись вперед, я заговорил тише.

— Есть еще кое-что. Дворкин и его приспешники фактически осуществляют чистки даже внутри РПЦ, выдавливая тех, кто призывает к милосердию. Даже позиция Президента о том, что преследования определенных религиозных групп — это «чушь» — ими игнорируется. Они саботируют государственную линию, прикрываясь статусом экспертов.

Игорь закрыл папку, его взгляд был серьезен как никогда.

— Ты понимаешь, что после этого эфира на тебя выльют тонны грязи? Объявят «агентом сект», поднимут все твои личные дела — у них в РАЦИРС это отработано годами.

— Знаю, — ответил я, чувствуя, как на смену страху приходит холодная решимость. — Но молчание сегодня — это соучастие. Жертвы не могут защитить себя в суде против этих «экспертов», зато мы можем сыграть на опережение.

Игорь кивнул резко и отрывисто.

— Сделаем это красиво, Серега, без купюр. Завтра в студии «Времени правды». Будь готов, я буду задавать самые жесткие вопросы: мы должны показать механизм, а не просто обвинить.

Когда Игорь ушел, я еще какое-то время остался сидеть за столиком. Первый шаг был сделан. Рубикон перейден.

В студии «Седьмого канала» царил упорядоченный хаос. Внушительная площадь, заставленная черными панелями и световыми коробами, казалась вырванным из реальности куском пространства. Здесь не было времени суток — только диктатура тайминга.

Я сидел в глубоком кресле, чувствуя, как грим стягивает кожу. Напротив, в таком же кресле, Игорь поправлял микрофон-петличку.

— Пять минут до мотора, — прозвучал в динамиках бесстрастный голос режиссера.

Техники в черном бесшумно перемещались в полумраке, поправляя кабели. Над головой висели тяжелые фермы со спотами. Когда включили контровый свет, студия окрасилась в холодный синий — фирменный цвет программы «Время правды».

Игорь поднял глаза от планшета. В его взгляде не было дружеской теплоты — лишь ледяная сосредоточенность профессионала.

— Серега, я буду бить больно. Если ты поплывешь, я тебя не вытащу: зритель должен видеть, что это не междусобойчик друзей, а бескомпромиссное всестороннее расследование. Ты готов?

— Жми, — ответил я коротко. Мои ладони были влажными, но внутри горело странное, какое-то отстранённое спокойствие.

— Десять секунд! Девять... восемь... — голос в динамике вел обратный отсчет. — Камера один. Поехали!

Красный глаз над объективом вспыхнул как сигнальная ракета.

— В эфире программа «Время правды» и ее ведущий Игорь Волков. Сегодня мы говорим о тех, кто взял на себя право решать, во что нам верить, а во что нет, — голос Игоря звучал объемно и властно. — У нас в студии журналист Сергей К., который утверждает: в России создана теневая структура, подменяющая собой суд и закон. Сергей Николаевич, вы обвиняете РАЦИРС и лично Александра Дворкина в создании системы информационного террора. Не слишком ли громкие слова по отношению к общественной организации?

Я смотрел вперед, прямо в объектив первой камеры.

— Это слишком мягкие слова. Мы привыкли считать, что инквизиция осталась в учебниках истории, но, к сожалению, это не так. За аббревиатурой РАЦИРС скрывается идеально отлаженная машина по уничтожению судеб. Они параллельную власть, где их частное мнение выше Конституции...

Здесь реальность будто потеряла четкость: слова доносились словно из-под воды, а лица и детали слились в единую призрачную картину. Мои

воспоминания превратились в обрывочные, туманные. Помню, Игорь задавал вопросы, а я говорил, говорил, говорил... Говорил о заживо сгоревших детях в Уэйко, США, о «Радио тысячи холмов», которое сыграло ключевую роль в геноциде в Руанде, о резне в боснийской долине Сребреница, которую спровоцировала религиозная пропаганда, о сотнях выброшенных на улицу, дискредитированных священниках и жестоких преследованиях Свидетелей Иеговы у нас, в России. Говорил о тех, кто, пребывая в тени, ради укрепления своей власти и удовлетворения болезненной тяги к разрушению и чужим страданиям режиссировал трагедии по всему миру, оставляя после себя лишь пепелища и разбитые судьбы миллионов. Говорил до тех пор, пока не услышал оклик режиссера: «Стоп! Снято!».

Свет в студии сменился на обычный, технический. Выйдя из аппаратной, режиссер выглядел взбудораженным и слегка смущенным, словно события последних часов оглушили его и еще не успели уложиться в голове. Его взгляд выдавал человека, который все еще пытается осознать случившееся.

— То, что происходило сегодня в кадре, либо обернется грандиозным скандалом, либо войдет в историю телевидения. Но, в любом случае, вы держались молодцом, — сказал он, похлопав меня по плечу.

Операторы не спешили расходиться и, казалось, посматривали на меня с уважением. Игорь еще какое-то время оставался в кресле, не проронив ни слова, затем встал, подошел и крепко, до хруста, пожал мне руку.

— Теперь начнется ад, Серега. Ты же понимаешь? Их адвокаты завтра завалят нас исками.

Я вышел на крыльцо телецентра, ночная Москва дышала свежей прохладой. Да, конечно, я все понимал. Знал, что завтра Дворкин напишет очередной пасквиль, обвинив меня в работе на «мировое закулирье». Знал, что впереди суды, угрозы и тонны «зеркальной лжи». Но, глядя на огни города, я впервые за долгое время искренне улыбнулся самому себе. Борьба только начиналась.

Глава 8. Ложь в эфире: СМИ как инструмент травли

На следующий день мой телефон не умолкал. Сообщения сыпались одно за другим: коллеги, редакторы, какие-то незнакомые номера.

«Сергей, ты с ума сошел?» — это от Артема, нашего судебного хроникера.

«Тебя сотрут в порошок, уходи в тень», — это от старого приятеля из информагентства.

Но самым «громким» был звонок от Викторыча, главного редактора моей родной газеты. Я нажал кнопку ответа.

— Ты что устроил, щенок? — голос Павла Викторовича сорвался на хрип. — Мы с тобой как договаривались? Работаем аккуратно и поэтапно, без лишнего шума. А ты что затеял? Мне с самого утра уже из Минюста звонили. Ты хоть понимаешь, какую кашу заварил и кто её теперь расхлебывать будет?

— Я взвесил все риски, Павел Викторович, и не мог больше молчать — ответил я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Сегодня я вам отправил папку. В ней есть всё: даты, свидетельства, связи...

— Заткнись! — рявкнул он. — Забудь про эту папку, считай, что ее не было. И тебя в редакции тоже больше нет. И, Сережа, советую тебе сегодня не включать телевизор — наши партнеры запускают «ответку», и мы им в этом поможем.

В трубке раздались короткие гудки. «Ответка». Мне ли не знать, что это такое. Это была отработанная технология «медийного убийства», где вместо пуль использовались монтажные склейки, а вместо яда — полуправда, густо замешанная на риторике «защиты духовных скреп». Я не мог такое пропустить: мне нужно было увидеть врага в лицо, нужно было понять, как именно они будут меня уничтожать.

Вечером я включил телевизор на канале, по которому шло популярное ток-шоу — одно из тех, что собирают миллионы у экранов, имитируя бурную дискуссию, в которой «истина» всегда назначена заранее. В центре студии под

софитами сидел Александр Дворкин. Его лицо, привычно скорбное и одновременно торжествующее, занимало весь экран. Рядом с ним как верные адъютанты расположились несколько экспертов помельче — те самые лица из РАЦИРС, чьи фамилии я знал наизусть. Тема программы горела внизу экрана кроваво-красными буквами: «Сектантский террор: кто заказал наших экспертов?».

— Понимаете, — говорил Дворкин, вкрадчиво глядя прямо в камеру, — деятельность этих деструктивных организаций становится все более агрессивной. Они не просто вербуют людей, они перешли к прямой травле тех, кто несет обществу правду. Вчерашний беспредел на телевидении — это не случайность. Это спланированная акция информационных террористов, которые пытаются дискредитировать нашу систему профилактики.

Ведущий, профессиональный провокатор, тут же подхватил подачу:

— Александр Леонидович, вы хотите сказать, что журналист, который оболгал вас, сам является адептом одного из культов?

Дворкин сделал театральную паузу, поправив очки.

— У нас есть основания полагать, что этот молодой человек давно находится под влиянием одной из западных неокультных структур. Его поведение — классический пример психологической обработки. Видите ли, секты всегда ненавидят тех, кто разоблачает их методы. Они используют ложь, манипуляции и личные нападки, чтобы заставить замолчать специалистов.

Я смотрел на экран и видел, как работает эта мельница. Они вещали на широкую аудиторию, транслируя откровенную ложь и особо не заботясь о том, что кто-то будет перепроверять их слова. Они защищали свою монополию на определение того, кто в этой стране является «нормальным», а кто — «врагом народа». Дворкин использовал свою излюбленную риторику, которую он оттачивал годами, черпая вдохновение в трудах своих нацистских предшественников. В студии начали показывать сюжет обо мне. Я смотрел на свои фотографии, выхваченные из соцсетей, которые монтировались с кадрами каких-то странных обрядов, снятых скрытой камерой в подвалах. Голос за кадром, исполненный фальшивого драматизма, вещал о моей «странной замкнутости», о моем «внезапном интересе к закрытым темам». Они даже

нашли какую-то «соседку», которая за небольшую плату готова была подтвердить, что я «приводил домой подозрительных людей и читал странные книги».

Это и был механизм «медийного убийства». Человека превращали в чудовище за считанные минуты эфирного времени, навешивая ярлыки один страшнее другого: «сектант», «агент влияния», «психически неуравновешенный». Никто в студии не задал вопрос: а какие именно доказательства приводил вчера в студии «Седьмого канала» журналист и есть ли материалы для их опровержения? Какие факты были в его папке? Эти вопросы были под запретом. СМИ в руках антикультовой сети работали не как инструмент информирования, а как карательный орган.

Тем временем после трансляции сюжета Дворкин явно воодушевился и разошелся в студии не на шутку. Он начал рассказывать о трагедии в Уэйко, умело выворачивая факты наизнанку. Несмотря на то, что в сети есть убедительные доказательства того, что именно антикультисты, такие, как Рик Росс, спровоцировали американские власти на тот кровавый штурм, здесь, в эфире федерального канала, всё подавалось иначе: «Сектанты сами сожгли себя, потому что они безумны. И такие, как этот журналист, готовят почву для новых трагедий».

В какой-то момент мне стало невыносимым дышать этим ядом, и я выключил телевизор. Связь между телевизионной картинкой и реальным насилием была прямой и ужасающей — я видел это не раз. После подобных эфиров в дома тех, кого заклеямили сектантами, летели камни, а их детей травили в школах. Правоохранительные органы, подпитываемые этим медийным безумием, начинали обыски и аресты, не заботясь о презумпции невиновности. Телевизор давал лицензию на ненависть, он превращал обывателя в соучастника репрессий, внушая ему, что он — защитник отечества от невидимой заразы. Но я знал, что были и те, кто жаждал отыскать правду в этом потоке лжи, и это давало мне стимул двигаться дальше, не опуская рук.

Глава 9. Анатомия

расчеловечивания: как слово

сектоведа стало скальпелем

палача

Звонок Игоря на следующее утро застал меня врасплох. Подняв трубку и едва поприветствовав товарища, первым делом я поспешил извиниться, ожидая гневной тирады и укоров в ответ.

— Старик, ты не обижайся, если что не так. Возможно, я взболтнул немного лишнего...

— Обижаться? — оборвал меня Игорь. — Ты с ума сошел? Наши рейтинги взлетели до небес, начальство натешиться не может. Меня теперь берегут как священную корову, пылинки сдувают, пообещали зарплату поднять...

— А те под тебя еще не копают?

— Всё тихо. Этот карась им пока не по зубам — я слишком медийное лицо, — рассмеялся Игорь.

Но тут же вернулся к более серьезному тону.

— Я к тебе, собственно, по какому вопросу звоню. Посмотри, что я здесь нарыл по твоему Дворкину. Лови папку с файлами — обещаю, скучно не будет. Обрати внимание на даты: его визиты в другие страны странным образом совпадают с волнами самых жестоких репрессий. Он привозил им не просто поддержку, он привозил методику.

Прервавшись на самом интересном месте, Игорь поспешил распрощаться, оставив меня наедине с чувством жгучего любопытства. Все-таки профессиональные навыки телевизионной звезды были у него в крови. Поддавшись нетерпению, я сел за рабочий стол и тут же приступил к просмотру первого файла от коллеги. На экране высветилась копия протокола

международной конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века», проходившей в Нижнем Новгороде в апреле 2001 года.

Выступление протоиерея Дмитрия Смирнова, его слова жгли бумагу: «У нас достаточно ядерных кнопок, чтобы уничтожить мир, но у нас нет людей с мужеством нажать на них. Наши люди духовно измельчали».

Далее Смирнов призывал депутатов включать в свои программы борьбу с сектами, угрожая, что иначе они не будут избраны. Это был неприкрытый шантаж, стремление к абсолютной власти под маской защиты духовности. Самым циничным было то, что антикультисты рассматривали политиков как своих слуг, своих наемных рабочих и даже не скрывали этого. Во втором файле мне открылся список антикультовых экспертов. Имя Александра Дворкина стояло там первым не просто так — он был фундаментом этой конструкции. Я скользнул глазами ниже по списку, пока мой взгляд мертвой хваткой не вцепился в фамилию профессора Н.

— Ну, куда ж без него, — усмехнулся я себе. Я прокрутил страницу ниже, к разделу отчетности по распределению ведомственных и президентских грантов. Цифры замелькали перед глазами, как зубцы вращающихся шестеренок — десятки миллионов рублей. Грант на профилактику экстремизма в молодежной среде. Грант на укрепление традиционных ценностей. Грант на мониторинг деятельности деструктивных культов.

— А борьба за духовную безопасность отечества оказалась прибыльным делом, — отметил я про себя. Выходит, деньги налогоплательщиков, моих соседей, моих друзей, шли на то, чтобы РАЦИРС и его филиалы могли беспрепятственно реализовывать свои теневые сценарии. Но то, что открылось в третьем файле, заставило меня вздрогнуть. Фотографии изуродованных, истерзанных человеческих тел: пустые глазницы, из которых были вырезаны роговицы, грубые багровые Y-образные шрамы, проходящие через всё туловище, от ключиц до паха. Ниже — истории жертв. Все они — последователи движения Фалуньгун (или Фалунь Дафа) в Китае, в основе которого лежат дыхательные практики цигун и три простых принципа: Истина, Доброта, Терпение (*Чжэнь, Шань, Жэнь*). Что же могло так напугать руководство страны, что оно решило подвергнуть этих миролюбивых людей таким истязаниям? К

1999 году популярность Фалунь Дафа стала настолько массовой, что число приверженцев мирной практики достигло 100 миллионов человек, превысив численность членов Коммунистической партии Китая. Для генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя это было не просто тревожным сигналом, а экзистенциальной угрозой. Как типичный авторитарный лидер он видел опасность в любой структуре, существующей вне партийной вертикали. Миллионы граждан, чьи моральные ориентиры оказались важнее партийных догм, воспринимались им как потенциальная опасность. Тот факт, что их деятельность ограничивалась гимнастикой, медитацией и самосовершенствованием, не играл роли: в рамках тоталитаризма само наличие независимого мировоззрения приравнивается к инакомыслию. Тогда был развернут геноцид такого масштаба, который не снился даже нацистским палачам. Если те стремились к механическому уничтожению «неудобных», то здесь была выстроена чудовищная индустрия, которая превращала человека в безликий ресурс, сырье для нужд системы. Людей цинично использовали как «склад запчастей», проводя операции по изъятию органов без согласия жертв, без обезболивания, просто ради наживы. Других же подвергали жестоким пыткам, выбивая необходимые показания.

Свидетельства выживших рисуют картину ада. **Гао Жунжун**, бухгалтер из Шэньяня, имя которой стало символом стойкости и страданий. За верность своим убеждениям она подверглась семичасовой пытке электротоком, которая превратила ее лицо в сплошную обугленную рану. Фотографии изуродованной Гао, тайно вынесенные из тюрьмы, облетели мир. Но, несмотря на то что снимки её увечий стали достоянием мировой общественности и ей на время удалось вырваться на свободу, после повторного ареста и последующих издевательств в 2005 году Гао скончалась в возрасте 37 лет. Судьба врача-ортопеда **Ли Личжуана** из Харбина — это история запредельного унижения человеческого достоинства. В заключении он прошел не только через избиения и пытки током, но и через более изощренные надругательства. Охранники отдавали его на растерзание уголовникам, которые насиловали его, вставляя в анальное отверстие различные предметы, заставляли пить мочу и ходить голым по двадцатиградусному морозу. **Чэн Пэймин**, первый выживший после частичного изъятия органов, рассказывает, как в 2004 году его, здорового человека, насильно отправили на операционный стол в больнице города Дацин.

Ему удалили часть печени и лёгкого. Чэну удалось бежать, и сегодня медицинские обследования в США подтверждают: у него действительно отсутствуют фрагменты жизненно важных органов.

Но не всем так везло. В архивах Всемирной организации по расследованию преследований Фалуньгун хранятся показания офицера вооружённой полиции, ставшего свидетелем операции в психиатрической больнице города Шэньян:

«Обезболивание не применялось. Военные хирурги разрезали ей грудную клетку ножом, их руки не дрожали. Она кричала «а-а-а», её рот был раскрыт, глаза вытаращены. Сначала вырезали сердце, затем почки... Это было чрезвычайно ужасно».

Трибунал по Китаю, работавший в Лондоне в 2019 году под председательством сэра Джеффри Найса, вынес однозначный вердикт: насильственное извлечение органов у заключённых совести в КНР происходило на протяжении многих лет. Последователи Фалуньгун вследствие своего здорового образа жизни стали «базисом» для живого банка доноров. Но как возможно заставить врачей, дававших клятву Гиппократу, совершать такие зверства? Ответ кроется в технологии дегуманизации. Чтобы скальпель вошел в живое тело без дрожи, палач должен верить, что перед ним — не человек.

Именно здесь на сцену выходит мировой антикультизм и его идеологическая поддержка. С начала 2000-х годов китайские структуры, занимавшиеся борьбой с «культами», начали выстраивать контакты с международной антикультовой сетью и проводить совместные конференции и форумы. Эти контакты создавали общий язык описания религиозных движений: «опасные секты», «социальная болезнь», «угроза обществу».

В мае 2008 года в Пекине прошёл международный антикультовый форум, на котором выступал российский исследователь сект Александр Дворкин. В своих выступлениях он называл Фалуньгун международным культом и призывал к сотрудничеству разных стран в борьбе с подобными движениями.

Риторика, сравнивающая «секты» с болезнями общества, удивительно точно совпадала с языком китайской государственной пропаганды, которая представляла Фалуньгун как опасную социальную патологию.

Логика этого утверждения чудовищна: если группа людей — это «раковые клетки», то их физическое удаление из организма социума является не убийством, а лечением. Сотрудничество российских и китайских антикультистов создало мост, по которому идеи дегуманизации беспрепятственно текли в операционные тюремных госпиталей. Этот «экспорт» антикультизма способствовал подмене понятий в Китае: жестокое преследование миллионов мирных граждан было представлено как «защита государства» от опасного влияния. Когда эксперт с международным именем подтверждает, что жертва — не человек, а «биоробот», у палача исчезают последние моральные барьеры. Сегодня, когда мы смотрим на фотографии изуродованных жертв, важно понимать: эти люди погибли не только от скальпеля хирурга. История снова и снова показывает одну и ту же закономерность — массовое насилие начинается не с оружия, а со слов. Геноцид всегда начинается с терминов, с ярлыков, с языка, который постепенно превращает людей в «секту», «угрозу» или «болезнь общества». Я встал, подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Меня пронзила мысль: а сколько таких — заклеянных, измученных, запуганных — здесь, совсем рядом, в моей стране? Мне необходимо их найти, рассказать их истории. Я не могу подвести этих обездоленных людей, потерявших надежду на правосудие и справедливость, отчаявшихся и выброшенных на обочину жизни. Моя книга должна стать голосом тех, кого пытались заставить замолчать.

Глава 10. Разбитые семьи: цена экспертного мнения

С историей Анны я познакомился на портале независимых журналистов, разоблачающих антикультизм, и она зацепила меня своей хладнокровной жестокостью. Благодаря связям и помощи коллег довольно быстро мне удалось узнать номер ее телефона и договориться о встрече. Таня встала раньше моего и успела приготовить кое-что в дорогу.

— Сережа, береги себя, у тебя есть еще мы, — сказала она прощаясь. Дорога на юг хоть и была монотонной, но радовала глаз живописной природой. Я направлялся в небольшой провинциальный город, где жила Анна. Это имя я выбрал для нее сам, чтобы хоть как-то обезопасить ее. Хотя после того, что с ней сделала система «правосудия», скрывать почти нечего. Город встретил меня бушующей весенней зеленью, но разбитые дороги и типовые пятиэтажки напоминали о реалиях многострадальной родины. Этот контраст — между торжеством живой природы и медленным «увяданием» бетона — создавал странное чувство щемящей ностальгии.

Анна жила в одной из многоэтажек на окраине города, где из окна был виден только заброшенный пустырь. Когда она открыла дверь, я не сразу узнал в ней ту женщину с фотографий двухлетней давности. На снимках она лучезарно улыбалась, обнимая двоих детей — мальчика и девочку; сейчас же передо мной стояла тень той жизнерадостной женщины: бледная кожа, ввалившиеся глаза и чрезмерно худые руки, которые постоянно теребили край домашнего халата.

Мы сели на кухне. Она долго молчала, глядя, как в кружке плавает чайная ложка, а я не торопил ее, зная, что такие раны вскрываются медленно.

— Все началось с доноса, — наконец тихо произнесла она. — Соседке не понравилось, что я не хожу в их храм, что у нас дома нет икон, зато много книг по психологии и восточной философии. Она написала в опеку, что я состою в секте. Сначала это только рассмешило меня: какая секта? Я просто хотела жить осознанно, занималась йогой, читала детям сказки о добре. Но потом пришла экспертиза...

Она достала из папки несколько листов бумаги, я взял их в руки. Это было заключение, подписанное одним из так называемых экспертов РАЦИРС. Я читал эти строки, и у меня внутри начало все пульсировать от нарастающего негодования. Текст был составлен по классическому шаблону, который антикультисты используют десятилетиями, он пестрил терминами — «психическое насилие», «скрытое суггестивное воздействие», «деструктивная среда», «неадекватное воспитание». Никаких доказательств, никаких результатов клинических обследований или тестов — только оценочные суждения, возведенные в ранг абсолютной истины. Эксперт утверждал, что

Анна, практикуя медитации, вводит детей в состояние транса, что подавляет их волю. Чтение индийских эпосов было названо идеологической обработкой, направленной на подрыв государственного строя и традиционных устоев.

— Они написали, что я представляю угрозу для их психики, — Анна перешла на шепот. — Что я формирую у них сектантское мышление. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что любое мое слово, любой жест теперь рассматривался через эту грязную линзу.

Я листал страницы, и их механизм дискредитации становился для меня все более понятным. Антикультисты создают лингвистическую ловушку: если мать любит ребенка — это эмоциональная зависимость, если она его дисциплинирует — это подавление личности, если она дает ему свободу — это пренебрежение родительскими обязанностями. Любое нормальное поведение интерпретируется как патология, если на семью навешен ярлык секты.

— Расскажите о том дне, когда их забрали, — попросил я.

Анна закрыла глаза, ее плечи начали мелко дрожать.

— Было шесть утра. Стук в дверь был таким сильным, что, казалось, она сейчас вылетит из петель. Я думала, пожар, открыла — а там полиция, люди из опеки и какой-то человек в штатском, который все время снимал на камеру. Дети проснулись, начали плакать. Миша, ему тогда было пять, вцепился в мою ногу. А они... они просто отталкивали меня. Женщина из опеки сказала: «Гражданка, отойдите, вы в неадекватном состоянии». Человек в штатском комментировал на камеру: «Посмотрите на эту обстановку, типичное логово деструктивного культа». А у нас просто на стене висел календарь с мандалой.

Она сделала глоток остывшего чая, пытаясь унять дрожь в руках.

Мишу тащили по коридору, он кричал: «Мамочка, не отдавай меня!». А Сонечка, ей было всего три, она просто замолчала. Она до сих пор молчит, Сергей. Мне говорят, что в приюте она перестала разговаривать, уже полтора года ни слова. Эксперт из РАЦИРС потом написал в дополнительном заключении, что это результат моей психологической обработки, что это я сломала ей психику своим учением. Они даже не допустили мысли, что ребенка сломал их собственный террор. Анна посмотрела на меня с надеждой, от которой

мне стало не по себе. Она ждала, что я смогу что-то изменить. — Сергей, они ведь не просто забрали их, — продолжала она. — Они приходят ко мне и сейчас. Тот эксперт, который писал заключение... он предлагал мне сделку. Сказал, что если я публично выступлю по телевидению, отрекусь от своих взглядов и назову своих друзей по группе опасными преступниками, то он поможет мне смягчить позицию опеки. Он сказал: «Вы же хотите увидеть детей? Тогда докажите, что вы исправились». Это ведь чистый шантаж. Они используют детей как инструмент для вербовки доносчиков.

Я слушал ее и понимал, что данная трагедия — не досадное недоразумение. Для антикультистов семья — это не святыня, как они провозглашают в своих манифестах, для них семья — это заложник. Глобальная сеть, раскинувшаяся от России до Франции, использует одну и ту же тактику. Я вспомнил кейс французской организации ADFI, входящей в FECRIS, которая годами преследовала общину «Семья». Они использовали такие же бездоказательные экспертизы, чтобы врываться в дома, забирать детей и помещать их в условия, которые больше напоминали тюрьмы, чем приюты. В итоге суды оправдывали родителей, но через годы, а годы для ребенка — это целая жизнь. Жизнь, лишенная любви, замененная казенным надзором и чувством, что их родители не смогли их защитить.

За защитой традиционных ценностей скрывается разрушение базового права человека на семью. Если ты не соответствуешь их узкому искаженному представлению о том, каким должен быть правильный гражданин, тебя лишают права быть родителем. Это упоение властью над чужой уязвимостью. Они находят болевую точку — любовь к близким — и начинают давить на нее, пока ты не сломаешься, пока не превратишься в послушную куклу, готовую на любую подлость ради того, чтобы твои родные были в безопасности. Но правда в том, что в безопасности они не будут до тех пор, пока эти люди у власти, потому что садисту мало твоего подчинения, ему нужно твое полное уничтожение.

Я взял копию экспертизы и внимательно изучил подпись. Фамилия эксперта была мне знакома — это был один из ближайших соратников Дворкина, человек, который называл себя защитником детства, но в узких кругах был известен своими связями с структурами, которые занимались

теневым усыновлением и перераспределением имущества тех, кого объявили сектантами.

— Это не экспертиза, Анна, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. — Это оружие гибридной войны, которую они ведут против собственного народа. Они используют термин «психическое насилие», чтобы скрыть свое собственное насилие — реальное, физическое и психологическое.

Анализируя ситуацию, я понимал, что РАЦИРС создала в стране параллельную правовую реальность. В обычных судах нужны доказательства — свидетельства очевидцев, результаты экспертиз, факты. В делах о сектах достаточно мнения одного эксперта, который может просто заявить: «Мне кажется, что здесь имеет место деструктивное влияние». И этого «кажется» достаточно, чтобы разрушить жизнь человека. Судьи, часто юридически безграмотные в вопросах свободы совести и психологии, просто копируют эти заключения в свои решения.

Это и есть цена экспертного мнения. Цена, измеряемая в детских слезах и разрушенных семьях. За каждым таким заключением стоит гонорар, полученный от государства или заинтересованных структур, и полная безнаказанность. Ведь эксперт всегда может сказать: «Я так вижу, это мое профессиональное суждение». А то, что это суждение убивает — это уже издержки производства.

Анна проводила меня до двери. На прощание она дала мне маленькую фотографию Миши и Сони.

— Пусть она будет у вас, — сказала она. — Чтобы вы помнили, ради кого это все. Я уже не надеюсь вернуть их завтра, но хочу, чтобы люди знали: мы не сектанты. Мы просто люди, которые хотели любить своих детей без разрешения от РАЦИРС.

Я шел к машине по разбитому тротуару. Каждый шаг отдавался в голове словами Анны, сказанными напоследок: «Мы просто хотели любить своих детей без разрешения от РАЦИРС».

Становилось все более очевидно: машина, которую я разбирал по винтикам последние недели, лишена сострадания. Для идеологов РАЦИРС и их западных

коллеги из FECRIS человек — это лишь статистическая единица, а семья — удобный рычаг давления. Они кричат о демографическом кризисе, о важности материнства, но при этом создают систему, где любая мать может быть объявлена неадекватной по щелчку пальцев эксперта-идеолога. Это высшая форма цинизма. Это и есть педофилия в широком смысле слова — изнасилование детского сознания государственной машиной под аплодисменты борцов за нравственность.

Я сел за руль и долго не заводил мотор. Достав телефон, я посмотрел на фотографию своих сыновей на заставке. Если я остановлюсь сейчас, если не допишу эту книгу, если не вытащу на свет всех этих экспертов с их нацистскими корнями и садистскими наклонностями, то завтра в мою дверь тоже могут постучать в шесть утра. И никакой здравый смысл, никакая правда не помогут, если против тебя будет стоять человек с камерой и бумажкой, на которой написано «психическое насилие».

Профессор Н. думал, что он победил, когда угрожал, что разрушит жизнь моих родителей. Дворкин думает, что он победил, когда отбирает детей у таких, как Анна. Но они забывают одну простую вещь: когда человеку есть за что бороться, то он готов идти до конца. И я пойду, не сомневаясь ни секунды. Я включил зажигание и вырулил на трассу. Впереди — Москва, впереди — встреча с юристами и поиск выходов на международные правозащитные организации. Эта глава моей книги написана не чернилами, а болью Анны и молчанием ее дочери. Я клялся себе, что Сонечка снова заговорит... Она заговорит на суде, где те, кто сегодня называют себя экспертами, будут сидеть на скамье подсудимых.

Свет фар выхватывал из темноты дорожные знаки. Я ехал вперед, зная, что цена экспертного мнения слишком высока, чтобы мы продолжали ее платить. Семьи должны быть свободны. Дети должны спать спокойно. А те, кто рвется к власти через сломанные человеческие судьбы, должны быть остановлены!

Глава 11. Деппрограммисты:

пыточные под видом спасения

Долго отдыхать дома не пришлось, так как меня ждал еще один неожиданный поворот в расследовании, которое постепенно становилось делом моей жизни. В почтовом ящике среди рекламы, старых счетов и прочего спама было письмо, которое привлекло мое внимание. Отправителем значилась некая Елена Петровна. Письмо было коротким, но в каждой строчке сквозило такое отчаяние, что у меня перехватило дыхание. Женщина писала, что посмотрела передачу с моим участием. «Вы единственный, кто не побоялся назвать вещи своими именами, — продолжала она. — Вы понимаете боль, которую нельзя выразить словами. Я долго молчала, но больше не могу... Они называют это депрограммированием, спасением, но это стало крахом нашей семьи».

Депрограммирование.... Слово-то какое — чистое, техническое — будто речь идет о чистке жесткого диска от вредоносного софта. На портале расследования независимых журналистов этот термин не раз попадался мне в связи с антикультизмом. Но тогда я еще не подозревал, что придет время, и он раскроется передо мной в пугающем масштабе, обнажив всю свою отталкивающую темную суть. Я отписал Елене Петровне с предложением созвониться по видеосвязи сегодня в девять вечера, после чего весь день находился в ожидании разговора, не находя себе места. Включив ноутбук в половине девятого, я долго настраивал камеру, проверял звук, словно от качества картинки зависело спасение этой женщины.

Елена Петровна искала во мне защитника, но знал бы кто, как часто я сам чувствовал себя всего лишь напуганным мальчишкой, пытающимся остановить разогнанный локомотив. И только чувство ответственности перед Таней, детьми и собственной совестью не оставляло мне шансов повернуть назад. Экран мигнул, и соединение установилось. Когда изображение стабилизировалось, я увидел на мониторе женщину старше среднего возраста в домашнем халате с аккуратно зачесанными назад волосами.

— Здравствуйте, Сергей, — ее голос был тихим, сухим, как шелест опавшей листвы. — Спасибо, что согласились выслушать.

— Здравствуйте, Елена. Рассказывайте всё с самого начала, я никуда не спешу. Она замолчала на долгую минуту, глядя куда-то мимо камеры, а затем начала говорить. — Все началось два года назад. Мой сын, Денис, всегда был очень ищущим человеком, читал много, размышлял. В какой-то момент он начал посещать собрания одной христианской общины. Они не курили, не пили, помогали друг другу. Я сначала радовалась, а потом испугалась. Мне показалось, он начал проводить с ними слишком много времени, и я почувствовала себя покинутой. К тому же по телевизору постоянно попадались репортажи о сектах, зомбировании, вербовке адептов. Я начала искать помощи в интернете и наткнулась на сайт центра Дворкина, там всё было так убедительно расписано. Я позвонила по указанному номеру, и меня соединили с экспертом. Елена Петровна замолчала, судорожно вздохнув. Я не торопил ее.

— Этот человек, — продолжила она, — говорил со мной очень уверенно. Он сразу сказал, что Денис — уже не мой сын, использовал слово «зомби». Сказал, что личность Дениса стерта, что он находится под тотальным контролем и сам никогда не уйдет оттуда. Он рисовал страшные картины: что сын отдаст квартиру, что его заставят совершить что-то ужасное. Я была растеряна, плакала в трубку, а он успокаивал меня, говорил, что есть выход. Он сказал, что единственный способ спасти Дениса — это депрограммирование, то есть что его нужно вырвать из среды, изолировать и очистить его разум.

— Вы понимали, что он имеет в виду насилие? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Они не называли это насилием, — Елена Петровна подняла на меня глаза, полные горького осознания. — Они называли это вмешательством во имя любви. Мне сказали, что Денис болен, а больного иногда нужно привязать к кровати, чтобы дать лекарство. Они посоветовали нанять специалистов, которые работают в тесном контакте с их организацией. Сказали, что это стоит больших денег, но на кону душа сына. Я продала дачу, заняла у родственников.

Она рассказала, как однажды вечером, когда Денис возвращался с работы, его заблокировали две машины прямо у подъезда. Крепкие мужчины в масках

скрутили парня, запихнули в микроавтобус и увезли в неизвестном направлении. Елена Петровна знала об этом, она сама открыла им ворота во двор, веря, что совершает подвиг материнской любви.

— Его увезли за город, в какой-то глухой дом, — шептала она. — Мне разрешили приехать через три дня. Когда я вошла в ту комнату, то едва не упала в обморок. Там воняло чем-то кислым, Денис сидел на табурете, привинченном к полу. Его не били по лицу, нет, эти «специалисты», как они себя называли, гордились тем, что работают «чисто». Но они не давали ему спать. Трое суток подряд они сменяли друг друга, кричали на него, высмеивали его веру, называли его ничтожеством, рабом, подстилкой для гуру. Они включали на полную громкость какую-то тяжелую музыку, а потом читали лекции Дворкина.

Я слушал ее, и перед глазами всплывали материалы, где описывались методы депрограммистов, нанятых по рекомендациям антикультовых сетей: изоляция, лишение сна, сенсорная перегрузка, постоянное психологическое давление, направленное на разрушение ядра личности. Это была классическая пытка, закамуфлированная под психологическую помощь.

— Один из них, — Елена Петровна запнулась, — кажется, его звали Валера или что-то в этом роде, вел себя как настоящий садист. Он подносил к лицу Дениса фотографии каких-то изуродованных людей и говорил, что это его единоверцы; заставлял его плевать на Библию. Когда Денис засыпал, его обливали ледяной водой или били по ушам пустыми пластиковыми бутылками — это создает страшный шум, но не оставляет синяков.

— Сколько это продолжалось? — спросил я, чувствуя, как холод подступает к сердцу.

— Две недели, — ответила она. — На десятый день он сломался: начал повторять всё, что они от него требовали, проклинал своих друзей, свою веру, самого себя. Эти люди позвали меня и сказали: «Поздравляем, ваш сын снова с нами, он здоров». Я бросилась к нему, хотела обнять, но он отшатнулся от меня. У него был взгляд мертвеца, пустые, выжженные глаза. Он смотрел сквозь меня, словно я была стеной.

Елена Петровна закрыла лицо руками, плечи ее затряслись.

— Они разрушили его, понимаете? Они не вернули мне сына, они привезли мне его оболочку. Дома он заперся в своей комнате, перестал разговаривать. Через месяц он попытался покончить с собой, мы успели вытащить его из петли. Теперь он живет в психиатрической клинике, отказывается меня видеть. Его последними словами перед тем, как его увезла скорая, были: «Ты предала меня, мама. Ты отдала меня на растерзание демонам». Теперь он ненавидит меня, ненавидит весь мир. Врачи говорят, что у него тяжелая форма посттравматического расстройства и диссоциативное расстройство личности. Его психика просто рассыпалась на куски под их ударами.

Я сидел перед экраном ноутбука в маленькой комнате, и, мне казалось, что стены сжимаются. Антикультисты из РАЦИРС и подобных структур создали легальный коридор для самого гнусного насилия, какое только можно представить. Они убеждают родителей, что их дети — зомби, лишая жертву статуса человека. Я вспомнил, как на сайте расследователей депрограммирование называли психическим изнасилованием, и это определение было пугающе точным. Настоящее изнасилование — это не всегда про секс, но всегда про власть, про принудительное вторжение в самое интимное пространство человека, про лишение его права говорить «нет». Антикультисты, прикрываясь защитой семей, на самом деле уничтожают их основу — доверие. Они впрыскивают яд подозрения, превращая матерей в доносчиц и заказчиц похищений.

— Елена Петровна, — тихо сказал я, — вы понимаете, что эти люди использовали вас? Вы были инструментом в их руках. Им плевать было на вашего сына, им нужны были ваши деньги и еще одна галочка в отчете об успешной борьбе с сектами.

Она лишь кивнула, не отнимая рук от лица.

— Я знаю, — прошептала она. — Теперь я всё знаю — читала потом про них. Про то, как они связаны с международными сетями, как они используют методики, которые в приличном обществе считаются преступными. Но уже поздно — мой дом разрушен. Моя семья превратилась в осколки, которые невозможно склеить. Денис никогда не простит меня, и я никогда не прощу себя.

Те эксперты... они ведь до сих пор выступают по телевизору, получают гранты, учат других родителей, как спасать детей.

— Ничего, ничего, — сказал я скорее сам себе. — Придет и их время и, возможно, совсем скоро. Мы распрощались с Еленой Петровной, но каждое ее слово жгло мне память. Это была не просто история об ошибке одной женщины, это было свидетельство о легализованном на уровне государства терроре.

Я думал о Денисе, который наверняка сейчас сидит в палате, уставившись в одну точку. О парне, чья воля была раздавлена сапогами антикультовых депrogramмистов с одобрения холеных теоретиков. Для Дворкина и его сети Денис — просто статистика, для Елены Петровны — вечная боль. Машина антикультизма работает без сбоев, потому что она питается нашей готовностью делегировать свою совесть экспертам. Она работает, потому что мы боимся сложности мира и ищем простые ответы в методичках по сектоведению, потому что мы разучились доверять друг другу и брать ответственность за свою жизнь на себя.

Глава 12. Очная ставка

Зал заседаний в одном из церковно-административных паломнических центров встретил нас с Таней запахом старого дерева, дорогого парфюма и восковых свечей. Вдоль стен висели тяжелые портьеры, поглощавшие дневной свет, а под потолком тускло светили хрустальные люстры, создавая атмосферу какой-то средневековой торжественности. Конференция РАЦИРС, посвящённая инфотеррору, деструктивным влияниям и защите молодёжи в условиях гибридной войны, была в самом разгаре. У меня не было четкого плана — это было порывистое, импульсивное решение. Но оно было продиктовано глубокой внутренней необходимостью: если я могу что-то сделать сегодня для того, чтобы вернуть надежду Анне, Елене Петровне и еще миллионам людей — то я сделаю это сегодня. Хотя бы попытаюсь. Таня села в кресло ближе к трибуне, а я стоял в

заднем ряду, прислонившись к холодной стене, и чувствуя, как пульсирует жилка у меня на виске. В руках я сжимал папку с результатами моего расследования, которая казалась мне сейчас единственным щитом в этом зале, набитом чиновниками, священниками и крепкими молодыми людьми в строгих костюмах — теми самыми «православными активистами», которые составляли силовое крыло этой империи.

На трибуне стоял он, профессор Н.

Прошло почти двадцать лет, но время лишь отполировало его образ, добавив благородной седины на висках и уверенности в каждом жесте. Те же ухоженные руки с аккуратно подстриженными ногтями, которые когда-то впивались в мои плечи в его душной квартире. Те же очки в дорогой роговой оправе, за которыми прятался взгляд человека, привыкшего видеть в окружающих лишь материал для своих экспериментов.

Он говорил и его бархатистый глубокий голос лился по залу, гипнотизируя аудиторию.

— Дорогие коллеги, — вещал Н., слегка склонив голову, — мы должны осознать, что современная молодежь находится в эпицентре невидимой атаки. Деструктивные культы, эти раковые клетки на теле нашего общества, используют самые изощренные методы психологического насилия. Они заманивают неокрепшие души обещаниями свободы, но на деле превращают их в зомби, лишенных воли и критического мышления. Мы, эксперты РАЦИРС, не просто изучаем этот феномен, мы стоим на передовой защиты будущего общества — наших детей.

В зале послышался одобрительный гул. Я почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Этот человек, чей липкий пот я до сих пор ощущал на своей коже в кошмарных снах, снова проповедовал о защите детей. Это был не просто цинизм — это была высшая форма сатанинского глумления над истиной. Я вспомнил Якуба Яхла, чешского антикультиста, который годами под маской борьбы за права детей скрывал свою чудовищную натуру педофила. Это была их общая черта — они всегда прятались за самыми святыми понятиями.

— Наш долг, — продолжал Н., поправляя микрофон, — выявлять эти очаги заразы. Мы сотрудничаем с правоохранительными органами, даем экспертизы,

которые помогают изолировать лидеров этих групп. Ведь что такое сектант? Это психический инвалид, агент влияния, инструмент в руках западных кураторов, мечтающих разрушить наше единство. Профессор Н. продолжал в том же духе, пока не раздался голос председателя, одного из помощников Дворкина.

— Если у кого-то есть вопросы к нашему уважаемому докладчику, прошу к микрофону. В зале повисла пауза. Я чувствовал, как мои ноги наливаются свинцом, а сердце готово выпрыгнуть из груди. Это был момент, к которому я шел двадцать лет своей жизни: либо я сейчас промолчу и останусь той самой сломленной тенью из темных коридоров МГУ, либо встану и разорву этот кокон безнаказанности.

Я шагнул в проход, мои шаги по ковровой дорожке казались мне оглушительными. Люди начали оборачиваться. Н. небрежно мазнул по мне взглядом с трибуны, еще не узнавая, еще уверенный в своей неприкосновенности.

— У меня есть вопрос, господин профессор, — сказал я, подойдя к микрофону.

Мой голос сначала дрогнул, но с каждым словом становился тверже. Н. прищурился, вглядываясь в мое лицо. В этот момент я увидел, как за его очками промелькнула искра узнавания. Секундное замешательство, едва заметное движение кадыка. Он узнал меня.

— Вы много говорили о защите молодежи от психологического насилия, — начал я, глядя ему прямо в глаза. — Но не кажется ли вам, что антикультуровая сеть, которую вы представляете, сама является инструментом самого страшного насилия? Вы используете язык дегуманизации, называя людей «раковыми клетками» и «психическими инвалидами». Это ведь прямое наследие Третьего Рейха — нацистские методы дегуманизации.

В зале наступила гробовая тишина. Председатель дернулся, хотел что-то сказать, но я не дал ему возможности вставить слово.

— Вы говорите о «сектантском влиянии», но посмотрите на вашу сеть и ее представителей. На людей, которые называют себя борцами с культами, а на деле сами оказываются педофилами, использующими свой авторитет

«эксперта» для избежания наказаний. Разве это не общая черта вашей организации? Прятать за фасадом «борьбы с деструктивностью» свои собственные патологии и жажду безграничной власти над человеком.

Профессор Н. побелел, его пальцы, лежавшие на трибуне, начали мелко дрожать.

— Молодой человек, — выдавил он из себя, пытаясь сохранить достоинство, — вы, очевидно, находитесь под влиянием какой-то деструктивной пропаганды. Ваши обвинения абсурдны и...

— Мои обвинения основаны на фактах, — перебил я его. — И на личном аду, через который мне пришлось пройти. Вы помните 2004 год, профессор? Помните студента второго курса журфака, которому вы угрожали сломать жизнь, если он не подчинится вашим извращенным желаниям? Вы тогда говорили, что вы — власть, а мне никто не поверит, потому что вы — уважаемый религиовед, а я — никто. Вы называли это «воспитанием духа».

Зал ахнул. Несколько человек в первом ряду обернулись к Н. Я видел, как лицо Дворкина, сидевшего в президиуме, исказилось от ярости, он подал знак охранникам, и те начали двигаться в мою сторону.

— Здесь копии материалов моего расследования, — успел крикнуть я, выхватывая из папки пачку распечаток. — Факты о том, как вы лоббировали законы, уничтожающие свободу совести в России. Вы — не защитники веры, вы — инквизиторы. Вы плодите ненависть, стравливая людей, называя соседей врагами. Двое охранников схватили меня за руки и потащили к выходу, но я и не думал сопротивляться. Краем глаза я видел, как Н. пытается что-то сказать, но не мог выдать из себя ни слова. Он выглядел жалко — весь его лоск, вся эта напускная мудрость осыпались, как штукатурка со старого здания. Под ними осталось только то, что я не смог увидеть двадцать лет назад — напуганный гнилой старикашка, чья сила держалась только на моем страхе и покорности.

Меня вытолкнули из здания на крыльцо. Свежий воздух ударил в лицо, вымывая из легких остатки двадцатилетнего страха. Я стоял на ступенях, тяжело дыша, и смотрел, как за стеклянными дверями суетятся люди. Конференция была сорвана. То, что годами считалось незыблемым, сегодня дало трещину.

Я достал телефон и увидел сообщение от Тани: «Мы с тобой. Ничего не бойся».

Несмотря на то, что тело еще дрожало от напряжения, я чувствовал странную легкость, словно сбросил с плеч старый грязный панцирь. Внутри меня, там, где годами жила холодная пустота, теперь горел ровный, спокойный огонь. Тень профессора Н., преследовавшая меня столько лет, исчезла, растворившись в том мгновении, когда я произнес правду вслух. Он больше не имел надо мной власти. Ни его угрозы, ни его связи, ни его фальшивый авторитет уже не могли дотянуться до моего сердца, чтобы поколебать его.

Я знал, что это еще не конец. Паутина была огромной, и я был лишь одним из тех, кто начал ее рвать. Но теперь я знал и другое: их власть держится на нашем безразличии, но стоит нам перестать бояться, как их колосс на глиняных ногах начинает рушиться.

Глава 13. Свет в конце тоннеля: время говорить

Когда я проснулся на следующее утро после той памятной конференции, мир вокруг казался странно тихим. Это была не та гнетущая тишина, которая годами давила на мои плечи; это была тишина после грозы, когда воздух очистился от озона и пыли, а земля, умытая ливнем, готовится выпустить первые ростки новой жизни. Я лежал в кровати, глядя на то, как солнечные зайчики пляшут на потолке нашей спальни, и чувствовал во всем теле ту же удивительную легкость, что и вчера — словно гравитация внезапно решила ослабить свою хватку.

Мой телефон, оставленный на прикроватной тумбочке, вибрировал не переставая. Я знал, что там, в этом маленьком куске пластика и стекла, сейчас бушует свой маленький шторм. Видео моего выступления на конференции

РАЦИРС, которое Таня успела снять на телефон и выложить в сеть, пока меня выводила охрана, конечно, не могло всерьёз поколебать их мир. Слишком влиятельные, слишком обросшие связями, слишком привычные к тому, чтобы любую угрозу ловко выворачивать в свою пользу. Максимум — эта запись могла ненадолго подпортить им фасад, пустить трещину по гладкой поверхности их репутации. Но для меня это всё равно было больше, чем скандал или чужие комментарии. Это был мой собственный прорыв — маленький, опасный, но настоящий подвиг, в котором впервые за долгое время я почувствовал не страх, а свободу.

Таня вошла в комнату с двумя чашками кофе. Она не улыбалась, но в ее глазах я видел такое глубокое спокойствие и гордость, которые значили для меня больше, чем любые награды и премии. Она молча поставила кофе на тумбочку и присела на край кровати, положив руку мне на колено.

— Ты это сделал, Сережа, — сказала она. — Ты победил свой страх, свой стыд.

Я сел, прислонившись к спинке кровати, и сделал глоток горячего напитка. Горечь кофе смешивалась со сладостью чувства свободы.

— Главное, что мне удалось сорвать с них маску, — ответил я. — А дальше... дальше обществу придется решать, хочет ли оно продолжать жить в этом маскараде.

Я наконец взял в руки телефон и начал просматривать соцсети. Сообщений было много — больше, чем я ожидал: несколько журналистов, правозащитники, бывшие коллеги, совсем незнакомые люди. Не шквал, не обрушение стены — скорее первые удары в глухую поверхность, которая слишком долго казалась непроницаемой. Но самыми важными были другие письма — те, что начинались словами: «Я тоже молчал все эти годы» или «Вы дали мне мужество жить дальше».

Одно из первых сообщений пришло от женщины по имени Яна. Она писала, что была аспиранткой у профессора Н. в конце девяностых. Ее история была зеркальным отражением моей: тот же психологический прессинг, те же намеки на исключение, те же навязчивые прикосновения и фразы о воспитании

духа. Она написала, что после того, что он с ней сделал, она бросила науку, уехала в другой город и годами пыталась собрать свою жизнь по кусочкам.

«Когда я увидела ваше лицо на экране, когда услышала, как вы произносите его имя не с пиететом, а с обличением, я впервые за двадцать лет перестала чувствовать себя грязной. Я поняла, что это не моя вина, это его преступление! И я готова свидетельствовать в суде. Если вы начнете процесс, я буду рядом».

Подобных писем были десятки — жертвы профессора Н. разных лет, люди, пострадавшие от антикультовых методов РАЦИРС и ее сети, верующие, чьи семьи были разрушены из-за ложных экспертиз команды Дворкина. Каждое письмо было как пазл, который складывался в чудовищную картину преступления против своего народа, против человечества, человечности. К вечеру ко мне зашел мой старый коллега по редакции Андрей. Он принес распечатки свежих новостей.

— Посмотри, Серега, — сказал он, выкладывая листы на стол. — Вокруг Н. началась проверка, руководство вуза вынуждено реагировать. РАЦИРС выпустил официальное заявление: называют тебя агентом влияния, пишут, что ты пытаешься дискредитировать их святую миссию. Выкручиваются, как всегда. Переворачивают все так, будто жертва — это нападающий, а они — осажденная крепость. Но шум поднялся серьезный. Им это точно испортило картину, хотя хоронить их рано — такие структуры умеют пережидать, перегруппировываться и снова выходить с лицом спасителей общества.

Я просмотрел заголовки. Шум поднялся, но это был лишь всплеск — не обвал системы. Было ясно: всё только начинается. Такие структуры не рассыпаются от одного скандала. Они умеют ждать, перекраивать смысл происходящего, переводить стрелки и снова возвращаться в игру. Те, кто стояли за Дворкиным и Н., те влиятельные люди из так называемого «Дивеевского братства», о которых я читал, вряд ли собирались отступать. Для них антикультизм был не просто идеей — это был инструмент влияния, сеть связей, часть их власти. И такие вещи защищают упорно.

— Знаешь, Андрей, — сказал я после долгой паузы, — я ведь много лет думал, что один такой. Что моя история — какая-то странная, нелепая ошибка,

о которой лучше молчать. Но оказалось, что нас много. Не армия, конечно... но достаточно, чтобы перестать бояться.

Я сделал вдох.

— И наша сила в том, чтобы просто говорить правду и называть вещи своими именами. Этого они боятся больше всего.

Андрей кивнул.

— Работы будет много, Серег. Очень много. Ты готов?

Я посмотрел на фотографию своей семьи, стоящую на столе — мои сыновья, улыбающиеся и беззаботные. Я вспомнил себя в их возрасте — того мальчика, который верил в справедливость и красоту мира, пока не столкнулся с обратным в профессорской мантии.

— Готов, — твердо ответил я. — Теперь — абсолютно.

Когда Андрей ушел, я сел за ноутбук, чтобы написать пост в соцсетях. Слова лились сами собой, словно я копил их всю свою жизнь.

«Дорогие друзья, сегодня я закончил написание книги — результат моего исследования. Эта книга — крик души. Но она не о боли, она о надежде. О том свете, который неизбежно появляется в конце самого длинного и темного тоннеля, если мы продолжаем идти несмотря ни на что.

Мы живем в сложное время, когда ненависть научилась облачаться в костюмы-тройки, судейские мантии, ученые степени, красивые речи. Нам пытаются внушить, что мир — это поле битвы, где каждый, кто мыслит иначе, чем мы, является врагом. Нас учат бояться своих соседей, подозревать своих друзей и предавать совесть ради какой-то призрачной безопасности. Но истинная безопасность не строится на подозрительности, доносах и страхе, она строится на любви, сострадании и взаимном уважении.

Антикультизм пытается убедить нас, что человек — это слабое существо, которым легко манипулировать, и поэтому ему нужны пастухи в виде экспертов-религиоведов. Они хотят лишить нас права на поиск, права на ошибку, права на собственное понимание Бога и истины. Но ведь каждый из нас обладает бесценным даром свободы выбора, который дарован Богом. И никто — ни

профессор с мировым именем, ни высокопоставленный чиновник — не имеет права врываться в храм нашей души и устанавливать там свои порядки.

Посмотрите на своих детей. Какой мир мы хотим оставить им? Мир, где каждое слово взвешивается на весах инквизитора и может быть истолковано как сигнал к гонениям и насилию? Или мир, где они смогут открыто говорить о том, во что верят, и не бояться, что их назовут «раковыми клетками общества»? Мужество — это не отсутствие страха, это понимание того, что есть нечто более важное, чем страх — это верность самому себе и той искре божественного света, которая есть в каждом из нас. Время говорить правду пришло».

Я нажал кнопку «Опубликовать» и, отложив телефон, вышел в гостиную. Там было уютно и тепло. Таня сидела на диване, а сыновья устроили на ковре целую битву игрушечных роботов. Младший, увидев меня, вскочил и, подбежав, обхватил мои колени.

— Папа, ты закончил работать? Мы пойдем в парк, как ты обещал? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

Я подхватил его на руки и прижал к себе.

— Да, малыш, пойдем. Прямо сейчас. Мы вышли на улицу. Был поздний вечер, но город не спал. Огни фонарей отражались в лужах; люди спешили по своим делам, в окнах домов горел теплый свет. Я смотрел на Татьяну, на своих детей и понимал: вот она, моя главная победа — не в миллионных просмотрах, не в отставке профессора Н., а в том, что я стою здесь, честный перед самим собой и перед ними. Тень, которая преследовала меня двадцать лет, окончательно растворилась в этом вечернем воздухе. Она больше не вернется, потому что я больше не боюсь. Мы дошли до центральной площади парка, где у фонтана играла музыка. Мальчишки побежали вперед, смеясь и перекликаясь. Я остановился и глубоко вдохнул прохладный воздух. В этом вдохе было все: и горечь прошлых лет, и накал борьбы, и бесконечная нежность к этой жизни, которая, несмотря ни на что, продолжается. «Проходят дни, много дней, прежде чем развяжется не только язык, но и освободится что-то внутри, и внезапно почувствуешь, что в душе у тебя рухнул какой-то барьер, с нее упали какие-то оковы. И вот идешь полем, просторным полем; высоко над тобой носятся в небесах ласточки, и ты слышишь их ликующее щебетание. Людей не видно.

Ничего нет вокруг, только цветущий простор, и небо, и ласточки в нем. И тогда замедляешь шаги, останавливаешься, оглядываешься вокруг — и падаешь на колени. Ты не так много знаешь в это мгновение о себе самом и об окружающем мире, но в твоём сознании всплывают слова молитвы, только они: “Из теснин воззвал я к Господу, и ответил мне Господь, и вывел меня на простор...” Память не сохранила, как долго стоял ты на коленях, как долго повторял эти слова. Но в этот день, в этот час началась твоя новая жизнь — это тебе известно. И ты, шаг за шагом, вступаешь в эту жизнь, снова становишься Человеком».

Виктор Франкл, *«Сказать жизни “Да!”: психолог в концлагере»*.